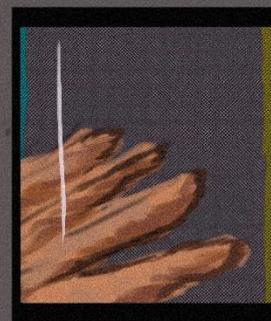

Метаморфозис

ISSN:2658 3976

Том 7 №2

2023

Журнал молодых ученых

Шеф-редактор журнала, научный руководитель проекта:

Т.Ю. Сидорина (д - р филос. н., ординарный профессор НИУ ВШЭ)

и.о. главного редактора:

Морозов Даниил (Аспирантская школа по философии)

Выпускающий редактор:

Регульский Иван (Аспирантская школа по философии)

Верстка, макет:

Шейнов Тихон (Аспирантская школа по философии)

Руководитель секции «Филология»:

Толкачева Марина (Магистерская программа «Философская антропология»)

Литературное редактирование:

Литвинова Варвара (Магистерская программа «Философия и история религии»)

Курамшина Сафия (Бакалаврская программа «Философия»)

Руководитель секции «Дизайн и оформление»:

Ашурова Елена (Бакалаврская программа «Философия»)

Оформление номера:

Тишанинова Татьяна (Бакалаврская программа «Философия»)

Чекалина Екатерина (Бакалаврская программа «Философия»)

Продвижение номера:

Нёрба Евгения (Бакалавриат «Философия»)

Попов Роман (Магистреская программа «Философская антропология»)

metamorphosis.hse.ru

vk.com/metamorphosisjournal

Выпуск журнала осуществлен в рамках научно - исследовательского проекта:

Разработка периодического издания в сфере гуманитарных наук

Учредитель:

ООО «Сообщество профессиональных социологов»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования

ISSN: 2658 - 3976

Дата публикации: 09.03.2023

© МЕТАМОРФОЗИС 2023

© АВТОРЫ СТАТЕЙ 2023

Тема номера: Противостояние технологий и человечности: литература и философия

Уважаемые читатели, редакция журнала «Метаморфозис» рада представить второй выпуск седьмого тома. В этом номере мы предприняли попытку показать разные ракурсы одной проблематики – проблематики человечности – с позиций филологии и философии.

Филологи исследуют, как в литературе описывается уникальное экзистенциальное измерение героев, которые ищут себя среди конкретных вещей, слов, ценностей или ситуаций. Философы рассматривают человечность под другим углом. С ней не все так однозначно, ведь активное внедрение технологий в нашу жизнь ставит под вопрос само существование человечества.

Какие же статьи ждут нас в номере? Кулакова Анна пишет о том, как использование иноязычных слов (в музыке, искусстве, медицине) в рассказе Набокова «Весна в Фиальте» создает стереоскопическую картинку смыслов, аллюзий. Изображение жестокой реальности, циркуляции общественного насилия и выработка в себе гуманности в произведении «Семейство Тальниковых» периферийной писательницы конца XIX столетия А.Я. Панаевой изучается в статье Елены Браженко. Героем статьи Варвары Бурцевой стал А.П. Чехов. В статье рассматривается как описание взаимосвязи слов, вещей и окружающего пространства помогает понять экзистенциальное состояние героев. Гузеева Александра изучает историю рецепции произведений Льва Толстого в зарубежном литературоведении и искусстве. Статья Трубниковой Марии изучает рефлексию Шукшина над изменениями личности в условиях индустриализации и урбанизации в раннем СССР в книге «Беседы при ясной луне».

Философский раздел номера начинается обзор работ сессии по вопросам философии техники в рамках XIII ежегодной международной конференции Школы философии и культурологии Факультета гуманитарных наук «Субъект и ответственность: природа, общество, культура», проходившей 6-8 октября 2022 г. Тематика секции – «Рефлексия о технике в русской философии XX-XXI вв.» – вызвала оживленную дискуссию. Читатели журнала могут познакомиться с основными положениями докладов и обсуждением.

В статьях Дианы Давлетшиной и Марины Жуковой представлены два различных понимания взаимоотношений человеческой экзистенции и технологий. В первой статье нас встречает критика индустриализма и технократии в интерпретации творчества Б.П. Вышеславцева; проблема личности в условиях технологической дегуманизации на примере построения социализма в раннем СССР. В центре внимания Марины Жуковой рассмотрение

идеи органопроекции – представлении о технике как о проекции живого организма в философии П. Флоренского. В свою очередь Алина Жукова рассматривает взгляды Федотова и Бердяева на беспочвенность русской интеллигенции.

Редакция благодарит д-ра филос. н., профессора Школы философии и культурологии Ольгу Анатольевну Жукову за помощь в подборе статей и рекомендации авторов философского блока этого номера! А также мы благодарим авторов, принявших участие в создании номера, и выражаем благодарность всем читателям. Мы продолжаем расширять темы наших номеров, аудиторию и состав авторов. Читайте и просвещайтесь!

Редакция

С о д е р ж а н и е

- 6 *Анна Кулакова*
Функции иноязычных вкраплений в рассказе В.В. Набокова «Весна в Фиальте»
- 15 *Алена Браженко*
Изображение насилия в «Семействе Тальниковых» А.Я. Панаевой
- 25 *Варвара Бурцева*
«Глина», «хотеть», «мертвый», «зверь»: к вопросу о мотивных вариациях экзистенциальной темы у Чехова
- 38 *Александра Гузеева*
Рецепция произведений Льва Толстого в западной культуре XX-XXI веков
- 47 *Мария Трубникова*
Магистральный сюжет книги В.М. Шукшина «Беседы при ясной луне»
- 56 *Татьяна Сидорина, Даниил Морозов*
Рефлексия о технике в русской философии XX-XXI веков
- 66 *Диана Давлетишина*
Технократия как угроза деантропологизации в философской системе Б.П. Вышеславцева
- 74 *Марина Жукова*
Органопроекция в философии П.А. Флоренского и трансгуманизм: к вопросу о взаимодополняемости
- 83 *Алина Жукова*
Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев как участники эмигрантских дискуссий о религиозном в самосознании интеллигенции
- 98 *Рекомендации по библиографическому оформлению статей*

Функции иноязычных вкраплений в рассказе В.В. Набокова «Весна в Фиальте»

Анна Кулакова (Образовательная программа «Филология»)

Аннотация

В статье рассматриваются функции иноязычных вкраплений в рассказе В.В. Набокова «Весна в Фиальте». В исследовании использован структуралистский и лексический подходы, которые позволяют выявить в выборе тех или иных заимствований новые сюжетные перипетии: вокруг каждого из персонажей рассказа выстраивается особый языковой ореол, будь то французский у Наденьки, греческий у Фердинанда, немецкий и английский у Васеньки. Анализ всех четырех групп заимствований позволил дополнить уже существующие в научной литературе интерпретации рассказа и отождествить форму рассказа с его содержанием: выяснилось, что русский язык объединяет раскиданных по разным странам Васеньку и Нину, в то время как иностранные языки, напротив, отдаляют их друг от друга.

Ключевые слова: Весна в Фиальте, Набоков, заимствования, иноязычные вкрапления.

При внимательном прочтении рассказа В. Набокова «Весна в Фиальте» (а именно на вдумчивого, возвращающегося к прочитанному читателя и ориентируется автор)¹ в тексте обнаруживается несколько видов иностранных заимствований. Перед тем как рассмотреть каждое из вкраплений подробнее, необходимо разделить их на несколько групп:

1. Заимствования «естественные», то есть та доля иноязычного лексикона, которая неизменно присутствует в любом языке и замена которой на слова исконно русские не всегда представляется возможной. Эта категория не представляет особого интереса для филологического анализа, однако позволяет сделать несколько значимых выводов об авторском стиле.

2. Иноязычные термины. Границы этой группы отчасти соприкасаются с границами первой группы, однако некоторые ключевые темы, возникающих в этом лексическом поле, требуют отдельного комментария: термины

¹ Лекманов О.А. Принцип не совсем обманутых ожиданий. По рассказу Владимира Набокова «Весна в Фиальте» // Литература. 2003. №3. (<https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200300310>). Дата обращения: 31.01.2023.

медицинские, термины железнодорожные и термины изобразительного искусства, а также инкрустации античных реалий и реалий XIX века.

3. Авторские неологизмы. Представители этой группы в тексте немногочисленны, но не менее важны. Здесь мы рассмотрим не только модернистски изобретенные писателем слова, но и то, как кальки из английского словообразования помогают Набокову-билингву формировать свой литературный язык.
4. Имена собственные.

Рассказ В. Набокова «Весна в Фиальте» нельзя назвать обделенным вниманием исследователей. Обстоятельный имманентный и интертекстуальный анализ проводит в статье «Принцип не совсем обманутых ожиданий» О.А. Лекманов. Более подробно на теме заимствований в творчестве В. Набокова останавливается в своей работе М.Р. Напцок, который осуществляет лингвистическую идентификацию творческой личности писателя и анализ «особенностей уникального языкового сознания, определяющего феномен билинговокультурного дискурса русско-американского писателя»². Многие из выводов, сделанные вышеуказанными исследователями, подтверждаются и в работе Л.В. Сычевой, которую никак нельзя упустить из внимания при анализе иноязычных вкраплений в рассказе В. Набокова³.

I

Наибольшая часть естественных заимствований используется Набоковым для описания пейзажа и предметно-архитектурного мира Фиальты. Здесь читатель встречает вполне органичные «дебаркадер»⁴, «глиссада»⁵, «фабула»⁶. Эти слова давно прижились в русском языке, хоть их можно заменить более «русский» синоним. Однако выбор автора нельзя назвать случайным. Так, слово «дебаркадер» использовано Набоковым в контексте встречи на железной дороге. «Морская» коннотация слова («дебаркадер» в значении «пристань») словно предвосхищает обширную географию встреч Нины и Васеньки. Французское происхождение этого слова соотносится с предшествующей репликой Нины на французском языке «Au fond

² Напцок М.Р. Русская литературная личность в условиях эмиграции: языковой феномен В. Набокова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. С. 98-103.

³ Сычёва Л.В. Иноязычные вкрапления в художественной прозе В.В. Набокова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2008. № 4. С. 24.

⁴ Набоков В.В. Весна в Фиальте // Быль и убыль / Подг. и пер. Г. Барабтарло. СПб.: Амфора. С.14.

⁵ Там же. С.12.

⁶ Там же. С. 16.

Функции иноязычных вкраплений в рассказе В.В. Набокова «Весна в Фиальте»

(В сущности (франц.))»⁷. Движения Нины Набоков описывать французским словом «глиссада» («скольжение»). В самом напряженном эпизоде рассказа, в финале, Васенька и Нина стоят у «парапета»⁸ (у «стены ограждения»). У этого слова есть и другое значение: парапет как разделитель автомобильных полос. Именно этого разделителя и не хватило автомобилю с Ниной, чтобы избежать столкновения с цирковым фургоном. По черновикам мы видим, что авария произошла при встречном движении («въезжавший в город фургон»⁹).

Автор словно намеренно окружает свою героиню неким французским ореолом (из чернового варианта Набоковым были исключены многие немецкие термины и реалии). Эту героиню чаще окружают французские термины XIX века (например, «секундант»¹⁰) – здесь возникает та самая пушкинская линия, отмеченная многими исследователями¹¹. Французская мелодика связана с Ниной и на сюжетном уровне. Васеньке «бог весть почему» приходит на ум романс о «парижской любовной драме»¹². Сам Набоков отмечал, что из всех трех языков, которыми он владел, французский приятнее всего слуху.

Говоря о слухе и звучании, нельзя не отметить еще одну роль подобных вкраплений, роль звукописную. Фраза «моя фирма купила у него фабулу для фильма»¹³ становится почти что скороговоркой, где звук «ф» оказывается неразрывно связан с именем Фердинанда. Примечательно, что другая «ф-игра» была опущена Набоковым, и встречаем мы ее лишь в черновом варианте рассказа, при этом и тут она будет связана с Фердинандом: «нужного мне фильмового актера... Фердинанд фехтовать уехал»¹⁴.

Как синэстет, Набоков намеренно «смакует» изощренные иноязычные эпитеты, предпочитая их более скучным по звучанию русским аналогам. Эта черта отчетливее всего проявляется в описании цветов: аквамариновый, терракотовый и другие¹⁵.

⁷ Набоков В.В. Весна в Фиальте // Быль и убыль / Подг. и пер. Г. Барабтарло. СПб.: Амфора. С.13.

⁸ Там же. С. 21.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С.12.

¹¹ Сычёва Л.В. Иноязычные вкрапления в художественной прозе В.В. Набокова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2008. № 4. С. 24.

¹² Набоков В.В. Весна в Фиальте // Быль и убыль / Подг. и пер. Г. Барабтарло. СПб.: Амфора. С.14.

¹³ Там же. С.16.

¹⁴ Там же. С.15.

¹⁵ Напцок М.Р. Русская литературная личность в условиях эмиграции: языковой феномен В. Набокова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. С. 98-103.

II

При поиске заимствований в рассказе особое внимание привлекают латинские и греческие слова, связанные с медициной. Прежде не рассмотренные исследователями, эти медицинские метафоры выстраиваются в единую цепь и превращают вспоминаемую Васенькой Фиальту в своеобразную лечебницу души, в которой он пытается изжить болезненные воспоминания. Вот лишь некоторые из них: «ампутация валенка», «цианистый каламбур», «эпилепсия рукоплесканий», «атомы перемещались», «неизвестный электрический аппарат»¹⁶. По ходу рассказа лексическое поле расширяется от конкретных заболеваний и лекарств до более абстрактных физических терминов, а потом (благодаря греческому языку) переходит в область античности («эфирные пачки», «музы», «гиперборейская ночь»¹⁷). Концентрация греческих вкраплений нарастает в эпизоде описания литературного мастерства Фердинанда. С греческой буквой «зета» («дзета»)¹⁸ сравнивается и поза Нины на диване.

Другую подгруппу образуют связанные с искусством термины: «рококо»¹⁹, «мозаика»²⁰, «эклибрис» (из черновика)²¹, «виньетка»²², «началась тема снежной свалки» (из черновика)²³, «эклетик»²⁴, «гуаш неба»²⁵, «акварельная кисть»²⁶. По черновику очевидно, что автор намеренно оставляет в тексте лишь те термины, которые имеют отношение к изобразительному искусству, а не к музыкальному и книжному, воссоздавая в своей памяти ту самую сувенирную открытку Фиальты, увиденную читателем на прилавке в начале рассказа. Более того, Васенька словно отвечает на Пасхальную открытку Нины, рисуя свою. Рассказ «Весна в Фиальте» станет последним письмом в почтовой переписке героев.

¹⁶ Набоков В.В. Весна в Фиальте // Быль и убыль / Подг. и пер. Г. Барабтарло. СПб.: Амфора. С.13, с.15, с. 16, с. 18, с.20.

¹⁷ Там же. С. 19, с. 16, с.20.

¹⁸ Там же. С.14.

¹⁹ Там же. С. 11

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 12.

²² Там же.

²³ Там же. С. 13.

²⁴ Там же. С. 18.

²⁵ Там же. С. 19.

²⁶ Там же. С. 21.

III

В рассказе «Весна в Фиальте» читатель встречает четыре ярких авторских неологизма. Исследователь отмечает: «Одним из признаков иноязычных вкраплений можно считать их употребление в графике языка-источника, другая их часть удовлетворяет признаку окказиональности»²⁷.

Признаку окказиональности в наибольшей степени удовлетворяет «офиологический холодок» прозы Фердинанда, мужа Нины, и в меньшей – «три дня совместного валанданья» Васеньки с ним же. Офиология как наука о змеях позволяет литературоведам говорить о связи Нины литературной с реальной Ниной Берберовой²⁸ (была вместе с Ходасевичем, в тексте находят многочисленные отсылки к его поэзии, змей встречаем в «Перед зеркалом»); а созвучие «валандаться» с именем Воланд вырисовывает новую линию интертекстуальной связи с «Мастером и Маргаритой» (эту гипотезу подкрепляет употребление слова «свита»).

С графической точки зрения интерес представляют словоформы «смотрите-какое-сосу-смешное»²⁹ и «скрип-скрип-скрипом»³⁰, появление которых стало возможно именно благодаря родному Набокову английскому языку. Для английского подобный способ словообразования путем сложения основ через дефис давно является обыденным, в то время как в русском языке помогает писателю укрепиться в модернистской традиции. Такие визуальные эксперименты придают текстам писателя необычайную современность: в нашем веке мы заново унаследовали английскую графику в написании некоторых слов благодаря интернету. Звукоподражание «скрип-скрип-скрип» тоже чрезвычайно характерно именно для английского языка и выполняет ту же функцию, что и заимствования из первой рассмотренной группы – фонетическую, звукописную.

IV

Среди имен собственных особую роль играет название города Фиальта, изобретенное автором. С одной стороны, слово восходит к греческому «phiale» (сосуд), с другой – к цветку фиалки и Ялте. В каждом заимствовании Набокова «теснятся» разные возможные значения, каждое из которых либо привносит в текст новую метафору, либо отсылает к текстам, уже

²⁷ Сычёва Л.В. Иноязычные вкрапления в художественной прозе В. В. Набокова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2008. №4. С.: 23.

²⁸ Винокурова И.Е. Реставрируя Нину Берберову (<https://www.svoboda.org/a/27067132.html>). Дата обращения: 22.03.2020.

²⁹ Набоков В.В. Весна в Фиальте // Быль и убыль / Подг. и пер. Г. Барабтарло. СПб.: Амфора. С.17.

³⁰ Там же. С. 12.

Функции иноязычных вкраплений в рассказе В.В. Набокова «Весна в Фиальте»

написанным. Букет фиалок держала Нина в последнюю встречу с Васенькой. Ялта неразрывно связана с «Дамой с собачкой» А.П. Чехова, а постоянно всплывающий мотив сосуда разрешается трагическим финалом разбитого (как сосуд) автомобиля.

Заключение

Таким образом, у намеренных иностранных вкраплений Набокова можно выявить несколько магистральных функций: звукописную, аллюзийную, метафорическую. Как отмечают другие исследователи, в стремлении автора насытить речь иностранными вставками можно усмотреть его «пренебрежение к советскому языку тоталитаризма»³¹. Можно предположить, что русский язык объединяет раскиданных по разным странам Васеньку и Нину, в то время как иностранные языки, напротив, отдаляют их друг от друга (французский как атрибут Нины, немецкий и английский как атрибуты Васеньки). Этимологический анализ некоторых заимствований позволил увидеть в употреблении того или иного слова определенное сюжетное предсказание, как, например, в случае со словом «парашют». Работа с черновым вариантом рассказа дала возможность проследить ход авторской мысли: так, некоторые заимствования формируются в группы по «изобразительному» принципу, создавая тем самым открытку Фиальты, увиденную читателем в начале рассказа. Наконец, анализ заимствований также помог выявить особенности билингвального словообразования у такого писателя, как В. Набоков.

³¹ *Напцок М.Р.* Русская литературная личность в условиях эмиграции: языковой феномен В. Набокова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. С. 98-103.

Функции иноязычных вкраплений в рассказе В.В. Набокова «Весна в Фиальте»

Библиография

Винокурова И.Е. Реставрируя Нину Берберову (<https://www.svoboda.org/a/27067132.html>). Дата обращения: 22.03.2020.

Долинин А.А. Вослед Жолковскому. Пять заметок о рассказе Набокова «Весна в Фиальте» // AZ: Essays in Honor of Alexander Zholkovsky. Ed. by Dennis Ioffe, Marcus Levitt, Joe Peschio, and Igor Pilshchikov. Boston, 2018. Pp.169-193)

Лекманов О.А. Принцип не совсем обманутых ожиданий. По рассказу Владимира Набокова «Весна в Фиальте» // Литература. 2003. №3. (<https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200300310>). Дата обращения: 31.01.2023.

Напцок М.Р. Русская литературная личность в условиях эмиграции: языковой феномен В. Набокова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. С. 98-103.

Окс М.В. Полилингвизм в романе В. Набокова «Бледный огонь» // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № 8. С. 93-100.

Сычёва Л.В. Иноязычные вкрапления в художественной прозе В. В. Набокова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2008. №4. С. 22-25.

Источники

Набоков В.В. Весна в Фиальте // Быль и убыль / Подг. и пер. Г. Барабтарло. СПб.: Амфора. С. 11-21.

Functions of foreign inclusions in the story of V.V. Nabokov “Spring in Fialta”

Anna Kulakova (Bachelor’s Program in Philology)

Abstract:

The article deals with the functions of foreign inclusions in the story of V.V. Nabokov “Spring in Fialta”. The study uses a structuralist and lexical approach, which makes it possible to identify new plot twists and turns in the choice of certain borrowings: a special linguistic halo is built around each of the characters in the story, whether it is Nadenka’s French, Ferdinand’s Greek, Vasenka’s German, and English. The analysis of all four groups of adoptions made it possible to supplement the interpretations of the story already existing in the academic literature and to identify the form of the story with its content: it turned out that the Russian language unites Vasenka and Nina scattered across different countries, while foreign languages, on the contrary, move them away from each other.

Keywords: Spring in Fialta, Nabokov, borrowings, foreign inclusions.

Изображение насилия в «Семействе Тальниковых» А.Я. Панаевой

Алена Браженко (Образовательная программа «Филология»)

Аннотация

Статья посвящена анализу изображения насилия в повести А.Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» 1848 года. Это произведение Панаевой вызвало резко негативную реакцию властей и было запрещено цензурой из-за «безнравственности и подрыва родительской власти»¹. Тем не менее, либеральными критиками и литераторами середины XIX века повесть была оценена положительно, так как оно, в духе натуральной школы, обнажало «язвы» общества. В этой статье мы попытаемся рассмотреть, как Панаева подходит к табуированной для общества XIX века теме бытового насилия и какие изобразительные стратегии избирает для репрезентации ее в повести.

В ходе анализа были выявлены доминирующие стратегии изображения насилия, а именно – субъекты, объекты насилия и динамика отношений между ними; охарактеризованы нарративные особенности, описаны семантические особенности слов для изображения насилия, а также было проанализировано, каким образом достигается эффект рутинизации насилия в повести.

Ключевые слова: репрезентация насилия, бытовое насилие, «Семейство Тальниковых», А.Я. Панаева

¹ Панаева А.Я. Воспоминания. М.: Изд-во «Правда», 1986. С. 178.

1. Субъекты и объекты насилия

Вначале следует провести классификацию субъектов и объектов насилия в тексте с целью проанализировать динамику их отношений.

1.1. Насилие взрослых

Насилие, осуществляемое взрослыми, мы поделили на два подвида по объекту его приложения: насилие над взрослыми с меньшими силой и влиянием, и насилие над детьми. Даже при поверхностном взгляде на текст становится очевидным, что насилие по отношению к детям описывается намного чаще и подробнее, чем насилие взрослых над другими взрослыми членами семьи. Мы видим, например, как мать, тетеньки и гувернантка постоянно наказывают детей, как отец их жестоко избивает, как дядя бьет розгами отданного ему на воспитание племянника. В выделенной классификации хочется обозначить еще одно разделение – по гендерному признаку.

Чаще всего в повести мы видим насилие со стороны женщин: «Тетенька находила особенное удовольствие наказывать меня»², «Тетенька за ухо повела меня в угол»³, «В бешенстве она, наконец, ударила меня так сильно по руке, лежавшей на книге, что книга полетела вверх, а рука моя хрустнула и, как гиря, спустилась вниз»⁴ и т. д. Следует, тем не менее, отметить, что хоть женское насилие и отличается высокой степенью жестокости, оно описывается кратко, характеризуется как «мелкое», рутинное и незначительное, в отличие от действия членов-мужчин. Эпизоды с наказанием отцом старшего сына Миши за решение уехать на Кавказ, или с избиванием дядей брата Феди розгами описываются намного подробнее. Впечатление, производимое этими эпизодами, нельзя сравнить с наказаниями детей гувернанткой.

Мужское насилие, таким образом, хотя и реже встречается в повести, оказывается значительнее и болезненнее, чем женское. Как кажется, важен также тот факт, что хотя и мать, и тетеньки, и гувернантка – самые частые источники страданий для главной героини, дети не боятся им перечить и оказывать сопротивление. Так, следует вспомнить «нападение» детей на гувернантку во время бала⁵ или эпизод в конце повести, когда Наташа не поцеловала руку своей матери⁶. Перед отцом же они испытывают сильный страх. Потому особенно весомым

² Панаева А.Я. Семейство Тальниковых. Л.: Academia, 1928. С. 108.

³ Там же. С. 109.

⁴ Там же. С. 119.

⁵ Там же. С. 146-147.

⁶ Там же. С. 256.

представляется поступок Наташи, бросившейся грудью перед отцом, защищая младшего брата от избияния веткой вербы⁷. Авторитет отца как родителя был беспрекословным: «О правах родителей я имела такое понятие, что они могут не только наказывать, но и убивать детей»⁸, и тем не менее, внутреннее противление Наташи насилию было сильнее, чем страх и пиетет перед отцом.

Так, дети, как самые слабые и бесправные члены семьи, оказываются беззащитны перед любым человеком, желающим использовать власть. Понятно, что они чаще всех подвергаются насилию со стороны взрослых. Но нужно добавить, что помимо описания отношений между взрослыми и детьми, Наташа также уделяет много внимания отношениям между взрослыми членами семьи. Насколько распространено описание насилия между взрослыми в повести?

Безусловно, жестокое отношение в семье Тальниковых не ограничивается лишь детьми. Так, в частности, при описании отца Наташи сообщается, что он пускал тарелкой в свою жену⁹. Тем не менее конкретных эпизодов, где бы описывалось, как он бьет свою жену, мы не находим. Насилие между взрослыми преимущественным образом существует на вербальном уровне: Наташа сообщает нам о частых ссорах из-за денег между матерью и отцом¹⁰, о ссорах матери с бабушкой¹¹, постоянных ссорах между тетеньками и гувернанткой, которые тем не менее могли доходить до рукоприкладства¹²; подробно описываются перепалки между бабушкой и дедушкой Наташи¹³, а также между дедушкой и дядей¹⁴. Однако, нужно заметить, что конкретных и подробных эпизодов с применением физического насилия между взрослыми членами в семье в тексте нет. Следовательно, можно предположить, что в цели повести входило сфокусировать внимание читателя именно на насилии над детьми.

1.2. Насилие детей

В повести присутствует феномен цикличности насилия. Дети, жертвы насилия, перенимают от взрослых разрушающие паттерны, с помощью которых они выражают свои эмоции, строят отношения друг с другом и защищают себя.

Следует сказать, что насилие детей имеет меньший масштаб в первую очередь из-за отсутствия у них большой физической силы. Направлено оно скорее на разрешение какого-

⁷ Панаева А.Я. Семейство Тальниковых. Л.: Academia, 1928. С. 106.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 105.

¹⁰ Там же. С. 118-119.

¹¹ Там же. С. 105.

¹² Там же. С. 151.

¹³ Там же. С. 176, 219, 222.

¹⁴ Там же. С. 195-196.

либо конфликта, выход эмоционального напряжения или личную выгоду, чем на удовлетворение потребности реализовывать свою власть, как у взрослых. Так, например, Наташа рассказывает, что однажды, «раздраженная насмешками и разными выходками старшей сестры», она «увлеклась гневом» и, «пренебрегая последствиями», ударила ее в лицо¹⁵. Насилие как способ постоять за себя Наташа предлагает Уле, дочери прачки, работающей в доме Тальниковых, советуя ей бить пристающих к ней ухажеров¹⁶.

Энергия детей, которую они не могут выплеснуть дома, выходит наружу, когда их выпускают погулять на улицу: «Братья наводили ужас на всех: лазали на деревья, на крыши беседок, – все рушилось, к чему они прикасались...», «а другие мальчики представляли казаков, которые иногда, разгорячась, не шутя начинали драться с разбойниками <...> как петухи, отдохнув, они опять кидались друг на друга, и только изнеможение прекращало битву...»¹⁷. Такое поведение, с нашей точки зрения, не говорит об особой жестокости детей, а, скорее о том, что это единственный доступный им способ выражения эмоций. Дети Тальниковых каждый день подвергались муштре со стороны гувернантки и матери, гуляли очень редко, и, кроме однообразных, сопровождавшихся наказаниями уроков, почти ничем не занимались. У них не было способа мирно высвободить эмоциональное напряжение, накопленное дома.

Одной из самых ярких сцен насилия со стороны детей является эпизод «отмщения» гувернантке. Детей, которые привлекали к себе много внимания во время бала, отослали в детскую спать, а гувернантка заперла дверь на ключ, чтобы пресечь попытки наблюдать за происходящим через щель. Негодующие от такой несправедливости дети вначале обезобразили постель гувернантки, а затем задумали с помощью подножки и масла от подсвечника, разлитого по полу, испортить ей платье. Криками и танцами заманенная в детскую гувернантка стала жертвой детской «мести»¹⁸. В этом эпизоде, во-первых, видно, что дети избегают прямой демонстрации насилия – совершают его скрыто, так как в семье «монополия» на открытое насилие принадлежит взрослым. Во-вторых, хочется отметить коллективный характер действия – дети объединяются против «общего врага». В повести мы видим множество эпизодов теплых отношений между детьми: когда брат Ваня делится с

¹⁵ Панаева А.Я. Семейство Тальниковых. Л.: Academia, 1928. С. 108.

¹⁶ Там же. С. 137.

¹⁷ Там же. С. 140.

¹⁸ Там же. С. 146-147.

лишенной еды Наташей спрятанным хлебом¹⁹; когда Наташа бросается защищать маленького брата от избиений отца²⁰. Эта тенденция к объединению и сплоченности детей очень важна в повести. Одинокое, незащищенное, лишенные любви и заботы дети оказываются более человечными, чем их взрослые родственники.

Таким образом, перенимая паттерны поведения взрослых для координирования своего эмоционального состояния и разрешения конфликтов, дети также проявляют и сплоченность, взаимовыручку, сочувствие друг к другу, из-за чего их характеры неоднозначны.

2. Характеристика описания

2.1. Стиль и особенности повествования

Стиль повествования в «Семействе Тальниковых» имеет характер внешнего фиксирования событий, протоколирования происходящего. Будучи попеременно участником ситуации и сторонним наблюдателем, Наташа с разной степенью детализации описывает действия, свои и окружающих, называет эмоции, которые, как ей кажется, сейчас испытывают члены ее семьи, судя по их внешним проявлениям – по выражению лица, по скорости действий, по поведению в целом: «Выражение лица его было одинаково – желание утолить свою ярость»²¹, «бледный и искаженный от злости»²², «ярость исказила лицо тетушки»²³, «бледная от злости»²⁴.

Наташа как рассказчик не проникает в мысли других героев, не дает развернутую оценку их поступкам, не рассуждает подробно об их причинах. Более того, Наташа не описывает подробно и свои ощущения, она лишь фиксирует свои физические и эмоциональные реакции на насилие, которому подвергается. Например, она говорит, что заплакала, вздрогнула, вскрикнула, что у нее болели колени, что она забылась и бросилась защищать брата, что она испугалась, потеряла дар речи. Однако развернутой рефлексии о страшных событиях в семье Тальниковых со стороны Наташи в повести практически нет, хотя нам известно, что эти записи о своем детстве были сделаны уже взрослой женщиной: «В одном месте своих записок

¹⁹ Панаева А.Я. Семейство Тальниковых. Л.: Academia, 1928. С. 132.

²⁰ Там же. С. 106.

²¹ Там же. С. 105.

²² Там же. С. 106.

²³ Там же. С. 109.

²⁴ Там же. С. 151.

героиня называет себя старухой. Понятно, что события, описываемые ею, не относятся к настоящему времени»²⁵.

Таким образом, в тексте разыгрывается нарративная ситуация, в которой героиня рассказывает о своем далеком прошлом, детстве и подростковом возрасте, никак это не структурируя, многое пропуская, а чему-то уделяя больше внимания, описывая общий порядок жизни в семье. На протяжении всего текста Наташа, рассказывая о событиях, ссылается именно на воспоминания: используются конструкции «я помню», «как я помню». В то же время создается впечатление синхронного описания событий, так как в тексте есть, например, длинные диалоги, детальная фиксация действий, эмоций Наташи и ее окружения, происходящая будто бы в реальном времени.

Следует отметить, что, как правило, все фиктивные автобиографии XIX в. устроены подобно: в книге «Handbook of Autobiography/Autofiction», посвященной их истории, фиктивные автобиографии воспринимаются, с одной стороны, как автобиографические, а с другой, как вымышленные²⁶. Одной из характеристик, которая создает ощущение правдивости, считается подражание реальному опыту, к чему как раз отсылают приведенные выше конструкции «припоминания» событий Наташей. Однако, в правдоподобном повествовании рассказчик не может знать, например, мысли и чувства окружающих людей. Это свойство фиктивной автобиографии соответствует «протокольному» стилю повести.

Примечательно также, что в тексте отсутствуют явные переключения между «взрослой» и «детской» стратегиями повествования. Повествование скорее нейтрально, без явной стилизации под детское восприятие. Нельзя четко определить границу, где события излагаются взрослой женщиной, а где подростком или ребенком. Тем не менее складывается впечатление, что «внешнее» – действия героев и их характеристика – описано рационально и последовательно, изложено взрослым субъектом. Описания же «внутреннего» – эмоций, переживаний, чувств – выглядят скудно и односложно, будто бы они написаны девочкой, еще эмоционально незрелой и не способной на взрослый самоанализ.

Важно добавить, что повествование слабо центрировано на фигуре «Я», так как Наташа часто отклоняется от описания своей жизни и концентрируется на внешних предметах – например, многочисленных ссорах между родственниками, устройстве личной жизни тетюшек

²⁵ Панаева А.Я. Семейство Тальниковых. Л.: Academia, 1928. С. 267.

²⁶ Vandevoorde H. Fictional Autobiography // Handbook of Autobiography/Autofiction. Ed. by M. Wagner-Egelhaaf. Volume I: Theory and Concept. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2019. P. 607.

и гувернантки, коллизиях в отношениях учителя-музыканта и его жены, событиях из жизни бабушки. Вследствие отсутствия сильной фигуры нарратора, которая бы связывала собой текст, он распадается на ряд сцен, эпизодов и даже самостоятельных сюжетных линий. Такому восприятию текста также способствует значительное количество диалогов, которые как бы выталкивают рассказчика из повествования.

2.2. Особенности семантики в описании насилия

Важно также обратиться к семантике слов, с помощью которых описывается насилие: используются такие слова, как палач (шесть раз), расправа (три раза), жертва (десять раз), платились, наказание, приговор, преступник, допрос, тирания, преступления, эшафот, вооруженный.

Эта категория слов имеет ярко выраженную семантику силовых отношений, лексика отсылает к средневековой системе пыток и наказаний. Употребленная, очевидно, целенаправленно, она настраивает определенную оптику происходящего. В эстетическом плане лексика создает яркие образы и гнетущую, мрачную атмосферу, эмоционально воздействующую на читателя. Примечательно, что слово «жертва» использовано в тексте целых десять раз: участникам насилия присваивается роль и тем самым происходит абстрагирование от ситуации, она становится менее личной, а значит, менее болезненной.

3. Рутинизация насилия

Ощущение рутинности насилия в тексте достигается с помощью языковых средств, слов-маркеров, которые предполагают повторяемость описываемых событий.

Мать нас мало ласкала, мало занималась нами, зато мы мало от нее и терпели; но свирепость, в которую иногда впадал отец, была для нас слишком ощутительна²⁷.

В этом фрагменте Наташа, описывая отношения между взрослыми и детьми, использует наречие частотности «иногда», говорящее об определенном паттерне повторения ситуации. Глаголы несовершенного вида «впадал», «колотил» и «ломал» также предполагают множественность подобных ситуаций.

Продолжая описывать жестокое поведение своего отца, Наташа использует конструкцию «в таких случаях», которая прямо говорит о некоторой норме, регулирующей семейные отношения:

²⁷ Панаева А.Я. Семейство Тальниковых. Л.: Academia, 1928. С. 105.

*Оскорбленная с радостью бросилась к двери и угрожала пожаловаться отцу, который в таких случаях жестоко наказывал виновную*²⁸.

Кроме отношений с родителями, Наташа описывает, как в семье Тальниковых относились друг к другу сами дети. Неудивительно, что в таком враждебной окружении насилие используют даже самые маленькие: «Самые младшие могли безнаказанно рвать мои куклы и платья, щипать и толкать меня, проходя мимо»²⁹. В этом фрагменте, помимо рутинности, можно также отметить отсутствие иерархии. У Тальниковых традиционная иерархия старших и младших не играла значимой роли, главным же признаком власти была сила. Это мы видим также в том, что тетеньки, издевавшиеся над детьми, не трогали старшего брата Мишу, так как он «часто избегал наказания своей отвагой и силой»³⁰.

Наташа, описывая наказания, которым она подвергалась в семье, подчеркивает, насколько часто она их переносила и насколько оттого привычными они для нее были:

*Уши, мои бедные уши всегда страдали первые! Тетенька за ухо повела меня в угол; я начала плакать и жаловаться, но дорого заплатила за свое сопротивление: объявили, что не дадут мне есть целую неделю. Меня так часто оставляли без чая, без обеда, без ужина по целому месяцу, что такое наказание обратилось мне в привычку*³¹.

В приведенном выше фрагменте описывается конкретная ситуация, передаваемая через глаголы совершенного вида: «повела», «начала», «заплатила», «объявили». Но в то же время Наташа экспрессивно описывает привычку: «уши, мои бедные уши всегда страдали первые!». Здесь употребляется и глагол несовершенного вида «страдали», и яркий маркер повторяемости события «всегда». Также Наташа подчеркнуто рутинизирует опыт постоянного жестокого обращения с помощью слов «часто» и «обратилось в привычку».

Еще одним способом рутинизации насилия становится ирония. Описывая, как тетушки вымещали гнев на детях, Наташа говорит: «И часто любознательный возвращался с красными ушами...»³² В этой маленькой ироничной ремарке заметна дистанция между нарратором, а значит и читателем, и описываемым событием. С помощью иронии создается впечатление рядового, ничем непримечательного события. Это пример того, как видимость фигура

²⁸ Панаева А.Я. Семейство Тальниковых. Л.: Academia, 1928. С. 108.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 128.

³¹ Там же. С. 109.

³² Там же. С. 107.

Изображение насилия в «Семействе Тальниковых» А.Я. Панаевой

рассказчика через языковые средства создает ощущение комфорта и безопасности. Читательская реакция направляется и ограничивается с помощью эмоций, в отличие от ситуации, когда события фиксируются нейтрально.

Выводы

В «Семействе Тальниковых» Панаевой доминирует описание насилия взрослых в отношении детей, с одной стороны – беспомощных объектов ненависти, и, с другой стороны, самостоятельно перенимающих от родителей и родственников стратегии выживания и навигации эмоционального состояния. Нарративная структура повести отсылает к стандартному устройству фикциональной автобиографии XIX века. Тем не менее, оригинальность стиля состоит в предельной эмоциональной отстраненности фигуры нарратора от описываемых событий, а также в особом эффекте рутинизации насилия, достигаемого при помощи различных слов-маркеров, глаголов несовершенного вида и наречий частотности.

Библиография

Панаева А.Я. Воспоминания. М.: Изд-во «Правда», 1986.

Панаева А.Я. Семейство Тальниковых. Л.: Academia, 1928.

Vandevoorde H. Fictional Autobiography // Handbook of Autobiography/Autofiction. Ed. by M. Wagner-Egelhaaf. Volume I: Theory and Concept. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2019.

The Depiction of Violence in “The Talnikov Family” by A.Y. Panaeva

Alyona Brazhenko (Bachelor’s Program in Philology)

Abstract

The article is devoted to the analysis of the depiction of violence in the novel by A.Y. Panaeva “The Talnikov Family”. This work of Panaeva caused a sharp reaction from the authorities and was banned by censorship because of "immorality and undermining of parental authority." Nevertheless, liberal critics and writers of the middle of the XIX century appreciated the story as it exposed the “social scourges”. In this article we will try to analyze how Panaeva approaches the topic of domestic violence, taboo for the society of the XIX century, and what pictorial strategies she chooses to represent in the story.

In the course of the analysis, the dominant strategies of depicting violence were determined, namely, the subjects and objects of violence were identified, the features of the narrative and poetics of the text were characterized, the semantic features of words to describe violence were described, and also the effect of the routinization of violence in the story was analyzed.

Keywords: depiction of violence, domestic violence, “The Talnikov Family”, A.Y. Panaeva

«Глина», «хотеть», «мертвый», «зверь»»: к вопросу о мотивных вариациях экзистенциальной темы у Чехова

Варвара Бурицева (Образовательная программа «Филология»)

Аннотация

Цель статьи – предложить новый методологический подход к анализу «бессобытийных» рассказов Чехова на примере рассказа «В ссылке», рассматриваемого с точки зрения сюжетно-фабульного сдвига и нарративной стратегии. Отсутствие характерной чеховской релятивизации конфликта между «стойком» и «оптимистом» в споре о проблемах человеческого бытия в рассказе компенсируется антуражем обстановки. Герою-«оптимисту» с проницаемым сознанием, быстро вызывающим симпатию читателя, противопоставлен не второй герой, но окружающая природа. В ее описании задействованы основные мотивы, которые варьируют экзистенциальную тему, затронутую героями других чеховских рассказов. Тезис подтверждается средствами корпусного анализа при обращении к рассказам, содержащим центральную для второй поэтики Чехова (А. Чудаков) тему «человеческая жизнь как проблема».

Ключевые слова: бессобытийность, мотивный анализ, корпусный анализ, экзистенциальная тема, поэтика Чехова, речевое событие

«Глина», «хотеть», «мертвый», «зверь»: к вопросу о мотивных вариациях экзистенциальной темы у Чехова

В списке чеховских рассказов с хорошо известной «ослабленной событийностью» рассказ «В ссылке», как кажется, может претендовать на одно из первых мест. С композиционной точки зрения он приближается к «Студенту», с тематической – к «Гусеву», но даже при сравнении с этими рассказами «В ссылке» кажется лишенным сюжетного напряжения. В «Студенте» и в «Гусеве» читатель без труда определяет центральное (пусть по-чеховски затушеванное) событие – «прозрение» Ивана Великопольского и смерть героя. Между тем пересказ сюжета «В ссылке» уместился бы в три предложения:

Двое перевозчиков, привычный к каторжной жизни Семен Толковый и недавно прибывший в Сибирь молодой татарин, сидят у костра. Семен рассказывает татарину историю о Василии Сергеиче, который радовался, когда к нему приехала жена, и горевал, когда она от него сбежала; его утешением была дочь, но теперь она опасно заболела. На утро перевозчики встречаются на другом берегу Василия Сергеича, едущего за очередным врачом, татарин в гневе кричит на злорадствующего Семена.

Очевидно отсутствие фабульного заострения – при очевидном заострении тематическом. Что считать центральным событием «В ссылке»: рассказ у костра или встречу с героем рассказа? Вероятно, ничто из этого. Налицо характерный «дефицит событийности» в описании Вольфа Шмида: читатель не находит события, которое одновременно было бы реальным, релевантным, результативным, необратимым, непредсказуемым, неповторяемым и

«Глина», «хотеть», «мертвый», «зверь»: к вопросу о мотивных вариациях экзистенциальной темы у Чехова

консекутивным¹. Непонятно, что считать точкой перехода из одного состояния фиктивного мира в другое. Попробуем развернуть фабулу:

В Сибири встречаются два ссыльных, Семен и Василий Сергеич. Ко второму через два года приезжает жена, но спустя еще три года сбегает с любовником. Прогоревав восемь лет, Василий Сергеич находит утешение в подрастающей дочери, но вскоре она опасно заболевает. Василий Сергеич начинает ездить по врачам в надежде ее вылечить. В Сибирь приезжает молодой татарин и устраивается перевозчиком. Толковый рассказывает ему историю Василия, после чего они встречаются на пароме, когда Василий едет за врачом. Татарин гневно кричит на злорадствующего Семена.

Событийность явно повысилась: теперь в пересказе есть и прибытие новых лиц (Василий Сергеич, жена, татарин), и повороты к противоположному (чередование радости и горя у Василия Сергеича). Но все это выходит на первый план только при искусственной фабульной реконструкции, тогда как в самом рассказе эта драматически развивающаяся история отодвигается от читателя и меркнет на фоне «бессобытийной» зарисовки. Почему это происходит? А.П. Чудаков отмечает: «Из двух типов изложения фабульных событий – обобщенного и в виде конкретных эпизодов – более упорядоченным и условным будет первый. <...> Рассказывая о событиях жизни героя обобщенно, “от себя”, <...> повествователь тем самым открыто отбирает наиболее важные звенья событий, опуская остальные. <...> Когда же событие представлено в виде драматизированного эпизода (или цепи эпизодов), то впечатление выборочности значительно меньше или его нет вообще: такой эпизод естественно стремится к полноте своего бытийного прообраза»². Чехов, как известно, тяготеет ко второму типу нарратива. Но в художественном пространстве анализируемого нами рассказа сталкиваются оба типа повествования. Пересказ истории Василия Сергеича Семеном есть не что иное, как обобщенное изложение фабульных событий, вызывающее у читателя то самое ощущение «стертости» и условности происходящего. Это повествование от лица Толкового оказывается подчинено повествованию первого порядка, которое обладает характерным

¹ Шмид В. Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард / Вольф Шмид. 2. изд, испр., расш. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 268-269.

² Чудаков А.П. Поэтика Чехова / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1971. С. 202.

«Глина», «хотеть», «мертвый», «зверь»: к вопросу о мотивных вариациях экзистенциальной темы у Чехова

признаком «второго периода» чеховской прозы, по Чудакову: «оценка, заключенная в слове героя, приближается к общей позиции автора через несобственно-прямую речь». При этом героем, стоящим на сходной с автором позиции, оказывается не Толковый, а татарин:

Татарин взглянул на небо. Звезд так же много, как дома у него, такая же чернота кругом, но чего-то недостает. Дома, в Симбирской губернии, совсем не такие звезды и не такое небо³.

Оставшись один, татарин подложил хворосту, лег и, глядя на огонь, стал думать о родной деревне и о своей жене; приехала бы жена хоть на месяц, хоть на день, а там, если хочет, пусть уезжает назад! Лучшие месяц или даже день, чем ничего. Но если жена сдержит обещание и приедет, то чем ее придется кормить? Где она будет тут жить?..

Именно его сознание оказывается доступным читателю, его глазами мы видим ночь у реки, его ушами слышим историю. Зачем Чехову такая игра ракурсами?

«В ссылке» разворачивается перед читателем один из вариантов типичной для Чехова ситуации – столкновения условного «пессимиста» («скептика», «циника», «стойка») с «оптимистом». При всей условности этих устоявшихся определений пара «татарин – Семен Толковый» без труда встраивается в ряд оппонентов: Ананьев – фон Штенберг, Гусев – Павел Иваныч, Рагин – Громов, Мисаил – Маша Благово, художник – Лида Волчанинова. За одним исключением: чеховская подача «диалогического конфликта» обычно подразумевает такой поворот сюжетной ситуации, который подрывал бы жесткое противопоставление двух точек зрения. В случае же с татаринцом и Семеном Толковым борьба за читательское сочувствие оказывается неравной.

Если в начале история Василия Сергеича со слов Семена воспринимается как иллюстрация бессмысленного стремления к иллюзорному благу, то по мере введения в текст реплик татарина и увеличения объема несобственно-прямой речи, оценка начинает меняться на противоположную. Последующее появление Василия Сергеича в повествовании первого плана уже в значительной степени подготовлено «вживанием» читателя в сознание

³ Здесь и далее цит. по.: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 1974-1983. Здесь и далее курсив в цитатах мой — В. Бурцева.

«Глина», «хотеть», «мертвый», «зверь»: к вопросу о мотивных вариациях экзистенциальной темы у Чехова

сочувствующего ему татарина. Стычка татарина с Толковым окончательно переворачивает ситуацию, а реплика татарина становится, таким образом, центральным событием рассказа:

– Он хорошо... хорошо, а ты – худо! Ты худо! Барин хорошая душа, отличный, а ты зверь, ты худо! Барин живой, а ты дохлый... Бог создал человека, чтоб живой был, чтоб и радость была, и тоска была, и горе было, а ты хочешь ничего, значит, ты не живой, а камень, глина! Камню надо ничего и тебе ничего... Ты камень – и бог тебя не любит, а барина любит!

Вой героя в финале рассказа решительно дискредитирует позицию его оппонента: сочувствие Семену на этом этапе больше не санкционировано с художественной точки зрения. Как объяснить столь не характерное для Чехова преобладание одной истины в рассказе? Чудаков отмечает, что увеличение объема несобственно-прямой речи в повествовании связано с «поставленным в центре сюжета новым героем прозы Чехова конца 80-х – начала 90-х годов – ищущим истину и смысл жизни человеком, взволнованно и страстно размышляющим о главных проблемах бытия»⁴. В определенном смысле главным событием рассказа «В ссылке» становится почти прямое авторское высказывание о «главных проблемах бытия», не сразу определяемое читателем как таковое благодаря маскировке под речь героя. Лексемы, которые с трудом подбирает для выражения своей мысли татарин, при внимательном прочтении оказываются рядом мотивов, которые у Чехова сопутствуют развитию темы «человеческая жизнь как проблема».

I. «Глина»

Лексическая разнородность приведенной выше реплики мотивирована бытовым обстоятельством: герой плохо владеет русским языком, поэтому оперирует простыми оппозициями («хорошо – худо», «хотеть – ничего не хотеть», «живой – дохлый», «живой – глина»). Появление «глины» в ряду отвлеченных оценочных понятий становится кульминационным моментом тирады – именно этот неожиданный образ оказывается ключевым. В точке «глина» высказывание героя пересекается с антуражем, в котором оно разворачивается:

⁴ Чудаков А.П. Поэтика Чехова. С. 38.

«Глина», «хотеть», «мертвый», «зверь»: к вопросу о мотивных вариациях экзистенциальной темы у Чехова

– Оно, конечно, тут не рай, – говорил Толковый. – Сам видишь: вода, голые берега, кругом глина и больше ничего...

Прожила с ним барыня недолго. Где ей? Глина, вода, холодно... Рыжий глинистый обрыв, баржа, река, чужие, недобрые люди, голод, холод, болезни – быть может, всего этого нет на самом деле. Вероятно, все это только снится, – думал татарин...

Образ по ходу рассказа аккумулирует символический потенциал. Сначала в речи Семена он выступает как признак «не-райского» пространства, потом – как причина бегства жены. Затем, наконец, в мыслях татарина глина встает в один ряд с другими атрибутами «страшного сна», что позже снова возникает в виде несобственно-прямой речи:

Перевозчики мерно, враз, взмахивали веслами; Толковый лежал животом на руле и, описывая в воздухе дугу, летал с одного борта на другой. Было в потемках похоже на то, как будто люди сидели на каком-то допотопном животном с длинными лапами и уплывали на нем в холодную унылую страну, ту самую, которая иногда снится во время кошмара.

Итак, метафора, найденная (или подхваченная) татаринком для характеристики «дохлого» Семена, подсвечивает пейзаж: кошмарный, адский мир Сибири состоит из холодного мертвого вещества. Коннотации, очевидно, более чем традиционные. Но расширим контекст и посмотрим на функцию этого образа в «Палате № 6»:

Для того, чтобы охладеть и потом носиться, совсем не нужно извлекать из небытия человека с его высоким, почти божеским умом, и потом, словно в насмешку, превращать его в глину.

Если вообразить, что через миллион лет мимо земного шара пролетит в пространстве какой-нибудь дух, то он увидит только глину и голые утесы. Андрей Ефимыч уверял себя, что в луне и в тюрьме нет ничего особенного, что и психически здоровые люди носят ордена и что все со временем сгниет и обратится в глину...

«Глина», «хотеть», «мертвый», «зверь»: к вопросу о мотивных вариациях экзистенциальной темы у Чехова

Глина как опорный образ в рассуждениях Рагина – персонажа, относящегося к тому же идейному «лагерю», что и Семен Толковый, – гораздо менее вещественна. Она метафорически указывает на неизбежную аннуляцию смысла: бессмысленность человеческой жизни перед лицом смерти – посылка, из которой персонажи-скептики у Чехова выводят свои теории в духе шопенгауэровской резиньяции. При этом часто они позиционируют себя как прозревших среди слепцов, или же *очнувшихся* от иллюзий:

Не надо, говорю, Василий Сергееч, денег. К чему они? Вы старое-то бросьте, забудьте, как будто его вовсе не было, будто снилось оно только, а начинайте жить сызнова.

«В ссылке»

Парии вы, жалкие люди... Я же другое дело. Я живу сознательно, я все вижу, как видит орел или ястреб, когда летает над землей, и все понимаю. Я воплощенный протест. <...>. Вот это жизнь, я понимаю. Это можно назвать жизнью.

«Гусев»

Но высказывания такого типа часто перебиваются эпизодами, в которых идейные оппоненты говорящего теряют ощущение реальности:

Конечно, он дома, в Симбирской губернии, и стоит ему только назвать жену по имени, как она откликнется; а в соседней комнате мать... Однако, какие бывают страшные сны! К чему они? Татарин улыбнулся и открыл глаза.

«В ссылке»

Мысли у Гусева обрываются, и вместо пруда вдруг ни к селу, ни к городу показывается большая бычья голова без глаз, а лошадь и сани уж не едут, а кружатся в черном дыму. Но он все-таки рад, что повидал родных. Радость захватывает у него дыхание, бегают мурашками по телу, дрожит в пальцах. – Привел господь повидаться! – бредит он, но тотчас же открывает глаза и ищет в потемках воду

«Гусев»

«Глина», «хотеть», «мертвый», «зверь»: к вопросу о мотивных вариациях экзистенциальной темы у Чехова

Что если бы чудом настоящее оказалось сном, страшным кошмаром, и мы проснулись бы обновленные, чистые, сильные, гордые своей правдой?

«Рассказ неизвестного человека»

Отношения двух реальностей строятся по очень напряженной модели: что кажется сном одному, оказывается действительностью для другого и наоборот, любовь к жизни и сознание ее бессмысленности – вот главная антиномия чеховского мира 80-90-х. Введение в рассказ эпизодов «сна» или «бреда» жизнелюбивого персонажа провоцирует заострение проблематики. Какая модель реальности ближе к истине – «глиняный» мир привычки («ничего не надо») или мир бессмысленной «воли к жизни»?

II. «Хотеть»

Чем больше факты свидетельствуют в пользу первого, тем активнее на речевом уровне выражается протест героев. Часто глаголам «привыкать» и «терпеть» герои Чехова в определенный момент противопоставляют «хотеть»:

А сам про себя думаю: «Ужо погоди... Девка она молодая, кровь играет, жить хочется, а какая тут жизнь?»

«В ссылке»

Ведь это же невыносимо! Этого не выдержит никакое терпение! Я терплю, молчу, но ведь, пойми же, и мне жить хочется...

«Огни»

Не успела попасть в клетку, как уже готова развязка: в последнем градусе чахотки! Хо-хо-хо... Поглядите: глаза совсем человечьи – плачут! Оно и понятно.

Молодая, красивая... жить хочется!» <...>

«Что снуешь? Ведь не выйдешь отсюда! Издохнешь, не выйдешь! Да еще привыкнешь, примиришься! Мало того, что привыкнешь, но еще нам, мучителям твоим, руки лизать будешь!»

«Циник»

«Глина», «хотеть», «мертвый», «зверь»: к вопросу о мотивных вариациях экзистенциальной темы у Чехова

*Никакая философия не может помирить меня со смертью, и я смотрю на нее
просто как на погибель. Жить хочется.*

«Три года»

*Скажу тебе: потом было и дурное, было и хорошее. Вот и помирать не хочется,
милая, еще бы годочков двадцать пожил; значит, хорошего было больше.*

«В Овраге»

Неслучайно именно это слово использует и татарин: «ты хочешь ничего, значит, ты не живой». Но важным оказывается, чего именно не хочет Толковый: «Он тебе насчет бабы, а ты ему назло: не желаю! Он тебе насчет воли, а ты упрись и – не желаю!». Желание татарина «хоть на час» повидать молодую жену противостоит полному отсутствию желаний у Семена, а образ далекой молодой девушки (жена татарина, жена Василия Сергеича) опосредованно противопоставляется образу бутылки, из которой все время отпивает каторжанин: деньги, которые Василий Сергеич тратит на жену, Семен предлагает ему пропить. В более широком контексте «молодая жена» – неизменный атрибут молодых чеховских персонажей:

*Татарин был болен, томился и, кутаясь в свои лохмотья, рассказывал, как
хорошо в Симбирской губернии и какая у него осталась дома красивая и умная
жена...*

*«Еду, говорит, в Гырино жену встречать. Пожалела, говорит, меня, приехала.
Хорошая она у меня, добрая».*

«В ссылке»

*Егорушка задавал себе неясные вопросы и думал, что мужчине, наверное,
хорошо, если возле него постоянно живет ласковая, веселая и красивая женщина.*

«Степь»

Вспомним, что рассказ молодого Константина в «Степи» так же, как и в «В ссылке», происходит у костра. Образ огня встраивается в оппозицию «живое – мертвое» по признаку теплоты даже на интуитивном уровне, но в случае с рассказами Чехова контекстуальные связи оказываются более богатыми.

«Глина», «хотеть», «мертвый», «зверь»: к вопросу о мотивных вариациях экзистенциальной темы у Чехова

III. «Мертвый»

Ситуация «разговор у костра» у Чехова часто сопряжена с темой смерти. Так, в уже упомянутой «Степи» рассказу Константина о молодой жене предшествует рассказ об убийстве косарей. Приведенную выше цитату из «В овраге» Липа выслушивает, держа на руках мертвого младенца; в «Студенте» разговор о жизни и смерти происходит в холодный день около костра; к встрече у костра и разговору о трупе сводится весь сюжет «Мертвого тела». Но в случае с рассказом «В ссылке» параллели находятся и за пределами художественных текстов – очерк IV «Из Сибири» и два письма Чехова содержат вариацию одной и той же ключевой фразы:

*Всю ночь слушаю, как храпят перевозчики и мой возница, как в окна стучит дождь и ревет ветер, как сердитый Иртыш стучит по гробам... («Из Сибири»)
Иртыш не шумит, не ревет, а сдаётся, как будто он у себя на дне стучит по гробам... Проклятое впечатление!*

письмо Чеховым от 16 мая 1890

И вот я сижу ночью в избе, стоящей в озере на самом берегу Иртыша, чувствую во всем теле промозглую сырость, а на душе одиночество, слушаю, как стучит по гробам мой Иртыш, как ревет ветер, и спрашиваю себя: где я? зачем я здесь?

(письмо М. В. Киселевой от 7 мая 1890)

То, что упоминание метафорического «стука по гробам» кочует из письма в письмо и затем в очерк, но исключается из ткани художественной произведения, как кажется, позволяет рассматривать эту фразу в качестве своеобразного ключа к «В ссылке» – рассказу, обыгрывающему тему пребывания живого человека в *мертвом мире*.

IV. Зверь

В отличие от других единиц образной системы «В ссылке», образ «зверь» почти лишен притязаний на читательское внимание, поскольку напрямую он возникает лишь в речи татарина, где на первый план выходит его коннотат – «жестокий человек», «не-человек». Но финал рассказа раскрывает образный потенциал мелькнувшей в речи персонажа лексемы и в то же время обнаруживает амбивалентность образа:

«Глина», «хотеть», «мертвый», «зверь»: к вопросу о мотивных вариациях экзистенциальной темы у Чехова

Со двора слышались звуки, похожие на собачий вой.

– Что это? Кто это там?

– Это татарин плачет.

Уподобление героя зверю в восприятии слушающих задает новую семантическую доминанту: «зверь – собака – вой – тоска». Неудивительно, что и в других рассказах Чехова собачий вой оказывается частым знаком ситуации «тоска»:

За дверь тревожно залаяла собака. <...> Вот, доктор, рекомендую вашему вниманию, — сказал он [Штенберг], обращаясь ко мне, — удивительно нервный субъект! Можете себе представить, не выносит одиночества, видит всегда страшные сны и страдает кошмарами, а когда прикрикнешь на него, то с ним делается что-то вроде истерики.

«Огни»

Как нарочно, в нашем дворе раздается вдруг собачий вой, сначала тихий и нерешительный, потом громкий, в два голоса. Я никогда не придавал значения таким приметам, как вой собак или крик сов, но теперь сердце мое мучительно сжимается, и я спешу объяснить себе этот вой.

«Скучная история»

Что странного или мудреного, например, хоть в рыбе или в ветре, который срывается с цепи? <...> Если они не сорвались с цепи, то почему же они мечутся по всему морю, как угорелые, и рвутся, словно собаки? («Гусев»)

Подобно звуку лопнувшей струны или тому же лаю собаки в «Чайке», появление звериного воя у Чехова в этом рассказе становится своего рода камертоном душевного состояния одного из героев и указывает на тщательно завуалированную тревогу экзистенциального вопрошания. Сюжетное движение «В ссылке» составляет как раз нарастание этой тревоги за счет последовательного нагнетания мотивов, которые аккумулируются в предельно эмоциональном высказывании татарина. Поскольку читательская самоидентификация с этим героем санкционирована повествованием (при помощи несобственно-прямой речи), это «речевое событие» занимает центральное место в рассказе. Более того, при желании оно может быть прочитано и как авторский

«Глина», «хотеть», «мертвый», «зверь»: к вопросу о мотивных вариациях экзистенциальной темы у Чехова

манифест – прямое высказывание, не нуждающееся в релятивизирующей его сюжетной поправке из-за смыслового богатства антуража, сотканного из характерных чеховских лейтмотивов.

Так, главными маркерами экзистенциальной темы оказываются образы *глины* (аннуляция смысла, резиньяция, терпение, привычка, атараксия), противостоящие *желанию* (с коннотациями «эрос» или «воля»), а также лексема *мертвый*, которая в зависимости от сюжетной ситуации оказывается эпитетом или прилагательным, и упоминание *звериного воя* как экспликации экзистенциальной тревоги.

Библиография

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 1974-1983.

Чудаков А.П. Поэтика Чехова / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1971.

Шмид В. Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард / Вольф Шмид. 2. изд, испр., расш. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 268-269.

«Глина», «хотеть», «мертвый», «зверь»: к вопросу о мотивных вариациях экзистенциальной темы у Чехова

“Clay”, “to want”, “dead”, “beast”: on some variations of the existential theme in Chekhov

Varvara Burtseva (Bachelor's program in Philology)

Abstract

This article is aimed to suggest a new approach to analyzing “eventless” short stories by Chekhov. It contains the analysis of a story “In Exile” with a narrative strategy and a plot-shift being the focal point. The absence of Chekhov’s typical relativization of the conflict between the “stoic” and the “optimist” in the dispute over the problems of human existence in this story is compensated by specific features of the setting. The “optimist”-hero is quickly gaining readers’ sympathies due to the permeability of his consciousness, yet not being opposed by his opponent. Instead, the equalization of the two perspectives happens by means of description of the surrounding that engages some leading motives varying the existential theme in Chekhov. The statement is confirmed by means of referring to other stories of Chekhov’s “second poetics” (A. Chudakov) that problematize human’s existence.

Keywords: eventlessness, motivic analysis, corpus analysis, existential theme, Chekhov’s poetics, speech event

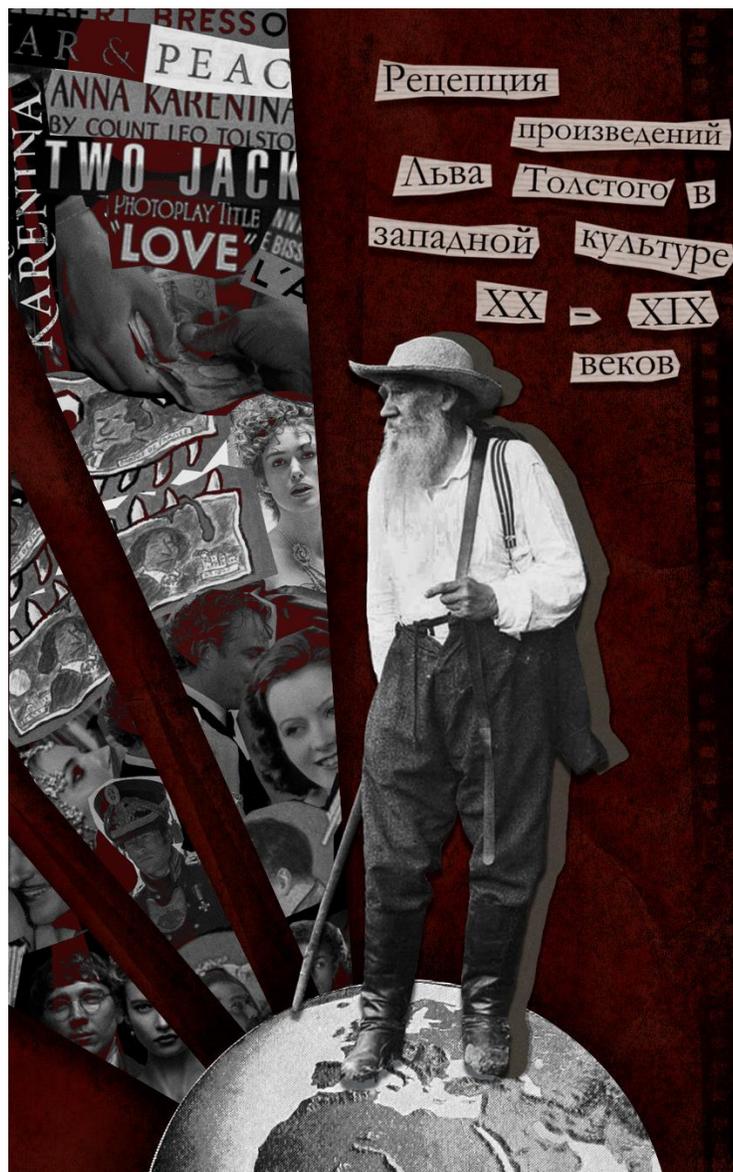
Рецепция произведений Льва Толстого в западной культуре XX-XXI веков

Александра Гузеева (Образовательная программа «Филология»)

Аннотация

Статья посвящена исследованию рецепции произведений Льва Толстого в западной культуре XX-XXI веков. В статье осмысливается путь зарождения интереса к русской литературе на западе в XIX веке, а также дальнейшее переосмысление произведений русской литературы и заимствование некоторых ключевых идей. Выделяются и описываются характерные особенности экранизации нескольких произведений Толстого, особенно двух его романов – «Война и мир» и «Анна Каренина». С помощью анализа экранизаций становится возможным рассмотреть, как именно перерабатываются идеи Льва Толстого и как они соотносятся с культурной идентичностью разных стран и с разными эпохами.

Ключевые слова: Лев Толстой, рецепция, русский роман, экранизация, Война и мир, Анна Каренина, синтез культур, Тургенев, литературная традиция, западная культура

Лев Толстой – признанный мировой классик, автор, произведения которого считаются эталонными во многих культурах и читаются до сих пор. Его главные романы («Война и мир» и «Анна Каренина») находят отклик не только среди читателей, но и среди художников: их экранизируют, ставят на сцене театров, воплощают в оперу. Стоит отметить, что популярностью пользуются не только ключевые романы, но и другие не столь известные, как может показаться, произведения Толстого.

Почему же Толстой так востребован в западной культуре, а популярность его произведений не угасает?

В XIX веке европейская публика начинает знакомство с романами русских писателей, среди которых

были все величины русской литературы. Знакомство это произошло во многом благодаря Тургеневу. «Тургенев мечтал, чтобы Россия и Европа могли объединиться в единое культурное пространство, основанное на свободном развитии человеческих способностей благодаря распространению просвещения и литературе»¹. На самом деле такое соединение уже происходило заочно, потому что многие русские писатели опирались на труды западных

¹ Ребеккини Д. Русский писатель на Западе / История русской культуры. От Николая I до Николая II // Arzamas.academy.

коллег и философов. Толстой вырос, читая французскую литературу в оригинале, поэтому не удивительно, что он, например, полемизировал в «Анне Каренине» с идеями романа Флобера «Мадам Бовари», с памфлетом Дюмы-сына «Мужчина-женщина»; при написании «Войны и мира» Толстой вдохновлялся «Пармской обителью» Стендаля: «Читайте Стендаля, – говорил он Горькому. – Если бы я не читал “Charterreuse de Parme”, я не сумел бы написать военных сцен в “Войне и мире”»². В «Анне Карениной» отражаются идеи Толстого, которые родились у него при изучении трудов Платона, Шопенгауэра и Дарвина. Исследователи творчества Толстого, что русские, что западные, до сих пор находят все новые параллели с другими западными писателями или философами, и, кажется, что поиск этих пересечений не закончится никогда, потому что Толстому удалось соединить несколько культур и использовать их для создания универсальных идей, которые откликаются до сих пор.

Тургенев, вынашивая «великую культурную мечту»³, помог европейцам, и всему западному миру, в частности, открыть русские романы. «... лишь в 1880-е годы происходит то, что европейские газеты той поры назовут настоящим «наплывом» русской литературы в Европу»⁴. Именно в этот момент Толстой получает восторженные отзывы от своих западных коллег: «Тургенев радостно сообщал Толстому о восторге Флобера от романа [имеется в виду «Война и мир»]. Первые тома Флобер считал “возвышенными”, порой они напоминали ему о великом Шекспире»⁵; Генри Джеймса же «поразила литературная форма романов Толстого»⁶.

После того как романы Толстого были оценены величинами западной литературы, к ним потянулась сначала французская публика, благодаря де Вогюэ, «собравшего в 1886 году свои статьи в книгу “Русский роман”»⁷. Это собрание статей предложило европейскому читателю «ясную интерпретацию русской литературы»⁸. Русские романы начали жить своей жизнью среди европейских, американских и британских читателей. В таланте Толстого не сомневался

² Гроссман Л.П. Цех пера. Эссеистика / Ред. И. Парина. М.: Изд-во «Аграф», 2000. С. 20.

³ Ребеккини Д. Русский писатель на Западе / История русской культуры. От Николая I до Николая II // Arzamas.academy.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

никто – сначала Толстого ценили за эссеистику, а «после Первой мировой войны читатели преимущественно восхищались его литературным даром»⁹.

Восхищение это не прошло и до сих пор, учитывая огромное количество экранизаций и постановок его произведений. Толстому удалось выделить универсальные формулы, которые теперь удачно адаптируют под все времена и пейзажи. За XX и XXI века разные произведения Толстого на западе были переработаны огромное количество раз. Только мировых экранизаций вышло около 17, также не стоит забывать о менее известных экранизациях и театральных постановках, которые не выходили в мировой прокат.

17 кинокартин, среди которых есть несколько сериалов, – это значительное количество. Более подробно я предлагаю рассмотреть 2 экранизации ключевых романов Толстого – сериал 2016 года «Война и мир» и фильм 2012 года «Анна Каренина».

Прежде чем рассмотреть эти две рецепции, мне кажется необходимым кратко осветить несколько фильмов, которые выделяются самым выбором произведения для экранизации и неординарными кинематографическими приемами.

«Любовь»¹⁰ – черно-белый фильм Эдмунда Голдинга 1927 года, снятый по мотивам романа «Анна Каренина». Особенность этого фильма в том, что он немой. Этот фильм отлично отвечает на вопрос, почему Толстой и многие его произведения до сих пор актуальны в Европе: ни произнося ни одного слова на экране, режиссеру и актерам удается передать роковую любовь главной героини, а зритель все равно улавливает, пусть и переработанные режиссером, некоторые идеи Толстого. Сюжет не совсем повторяет роман, а сам фильм имеет два финала – для европейской и американской публики. Для проката в США концовка счастливая – Вронский и Анна воссоединяются; а вот для европейского зрителя фильм заканчивается трагически, как и у Толстого. Невероятно интересно, как одну и ту же историю перерабатывают разные культуры, вплетая в нее свои ценности, культурные коды, делая ее более привлекательной для зрителя. Европейская культура, привыкшая к литературной традиции, идущей из Древней Греции, принимает трагичный финал, в то время как американская публика готова смотреть только на хэппи энд.

⁹ Ребеккини Д. Русский писатель на Западе / История русской культуры. От Николая I до Николая II // Arzamas.academy.

¹⁰ “Love” / dir. Edmund Goulding. 1927.

Следующая выделяющаяся экранизация – фильм «Деньги»¹¹ Робера Брессона, за который режиссер получил награду на Каннском кинофестивале. Режиссер экранизирует рассказ Толстого «Фальшивый купон». Фирменный стиль Брессона – лаконичность диалогов: этот прием отлично сочетается с рассказом Толстого. Отличительная особенность фильма – практически неподвижная камера: все показано статично, иногда даже мучительно спокойно. Очень хочется ощутить хоть какое-то движение. Этот прием перекликается с общим посылом рассказа – выводит на первый план то, во что превращается небольшой обман и чем он может обернуться дальше.

Фильм «Два Джека»¹² 2012 года режиссера Бернарда Роуз – еще одна неординарная экранизация Толстого. За плечами Роуза около 5 экранизация разных произведений Толстого, включая эту. Фильм основывается на повести «Два гусара». Экранизация в современной режиссеру манере повторяет фабулу повести, ее структуру и даже выводит на первый план те же проблемы, которые в этом произведении Толстой, как мне кажется, ставил во главу угла: проблема вины и семейная проблема, перетекающая в проблему поколений. Поскольку фильм рассчитан на современность (то есть XXI век) и американскую публику, то вместо гусаров главными героями становятся режиссеры, а местом действия – Голливуд. Это еще раз доказывает универсальность формы произведений Толстого и его идей, которые можно поместить в любой пейзаж и любое время.

Западных экранизаций романа «Анна Каренина» огромное количество: множество из них отдают дань уважения автору и практически ничего не меняют в хронологии или сюжете романа, другие же адаптируют роман сообразно новым идеям. Фильм Джо Райта «Анна Каренина»¹³ 2012 года получил Оскар и BAFTA и собрал знаменитейших британских актеров. От сюжетной канвы романа фильм не уходит далеко, только иногда вплетает внутрь некоторые абстрактные вставки-метафоры – например, в романе Анна Каренина привозит сыну игрушку из заграничного путешествия с Вронским, а в фильме это обыгрывается за счет красочного изображения магазина игрушек. Можно сказать, что среди других экранизаций эту отличает театральность – все сцены сопровождает музыка, а костюмы невероятно красивы и

¹¹ “L'Argent” / dir. Robert Bresson. 1983.

¹² “Two Jacks” / dir. Bernard Rose. 2012.

¹³ “Anna Karenina” / dir. Joe Wright. 2012.

точные. Этот фильм как будто не совсем экранизация романа, а скорее визуализация театрального действия: некоторые сцены сменяются не совсем понятно, с определенным намеком на кинематографические приемы сюрреалистов.

Больше я бы хотела сконцентрировать внимание на образах героев в этой экранизации. При просмотре фильма не покидает ощущение стереотипной «английской холодности» среди всех протагонистов. Анна Каренина в исполнении Киры Найтли предстает очень статной и гордой даже в тех сценах, в которых Толстой представлял ее страстной или горюющей. Однако муки совести переданы режиссером и актрисой очень изыскано, в какой-то момент Каренина предстает перед зрителем как очень вульгарная и даже безбашенная особа, готовая в любой момент показать обществу пылкость чувств к любовнику. Такое решение необычно, при этом работает свежо и отражает конфликт Карениной иначе, чем в романе. Однако Алексею Каренину (роль исполнил Джуд Лоу) британская чопорность только к лицу, она никак не противоречит его изображению в романе. В герое можно уловить то двоимирие, те сомнения, от которых он страдал в романе – простить или погубить? Вронскому в исполнении Аарона Тейлора-Джонсона британская сдержанность не совсем подходит, как мне кажется. Его герою не хватало надрыва, отчаянности и инфантильности в некоторых сценах; особенно когда Анна находилась в бреду после родов. Работу оператора можно соотнести с длинными и очень важными монологами героев в самом романе – камера всегда двигается плавно, достаточно долго, либо она наезжает на лицо героя из слабого расфокуса. Режиссер всегда следует за авторской мыслью, уделяя внимание самым важным моментам романа в фильме: например, диалог Стивы и Ленского о двух видах любви представлен согласно задумке романа. Многие сцены переданы удачно, в них читается Толстой, но режиссеру не удалось раскрыть широкой и противоречивой русской души. Несмотря на российские пейзажи, манеры и приметы в фильме все равно читается британский культурный код, и это по-своему прекрасно.

Сериал «Война и мир»¹⁴, состоящий из 6 серий и вышедший в 2016 году, как мне кажется, радикально отличается от других экранизаций. Этот сериал, как и предыдущий фильм, тоже выходец из Англии. Том Харпер, режиссер, совсем отказался от передачи философских рассуждений Толстого, а сосредоточил внимание на любовной линии романа, отражении

¹⁴ “War & Peace” / dir. Tom Harper. 2016.

устройства общества и сравнении крестьян и светского слоя России (даже это, казалось бы, толстовское приближение дворян к народу все равно показано не в манере Толстого). Во многом сериал похож на роман Джейн Остин «Гордость и предубеждение», где любовная линия занимает большую часть эфирного времени, а сюжетная канва не наполнена событийностью – это принципиально другой подход к произведению Толстого. Социальный и политический контексты в экранизации практически отсутствуют. Семейные отношения, которые несколько меняются и переосмысляются во время войны – главный фокус сериала. Но они не переплетаются с семейной мыслью Толстого. Главные герои сериала – Пьер Безухов, Наталья Ростова и Андрей Болконский – не соотносятся с героями Толстого. Наталья Ростова в сериале ведет себя слишком легкомысленно, она представлена не такой великодушной, какой она виделась в романе. Что касается Пьера и Андрея, то в сериале они лишь юноши в любовном треугольнике, которые не задумываются ни о судьбе России, ни об экзистенциальных вопросах. Конец сериала напоминает греческую идиллию и не имеет ничего общего с завершением романа Толстого.

Английская рецепция переосмысляет «Войну и мир» и смещает фокус с главных для русского читателя и человека событий. Скорее всего это сделано из-за того, что британцам сложно понять переживания русского народа, а особенно философскую и христианскую мысль Толстого, попытки выразить которую предпринимались не раз. Вместо того, чтобы повторять уже сделанное, Том Харпер и Эндрю Дэвис (сценарист) преподносят зрителю роман Толстого на английский манер. Либо такой вариант переработки романа можно связать с мыслью Флобера о «Войне и мире»: «Одновременно он [Флобер] замечал, что в историографических отступлениях Толстой мудрствует. Здесь сквозь текст “проступал русский человек”, а не творческая сила “природы и человечества”. Флоберовское чувство меры протестовало против длинных “русских” рассуждений Толстого»¹⁵. Может быть, режиссер и сценарист руководствовались именно этим, создавая сериал, потому что в нем ярче отражается соединение природы и человечества (особенно в конце), нежели дух русского

¹⁵ Ребеккени Д. Русский писатель на Западе / История русской культуры. От Николая I до Николая II // Arzamas.academy.

человека. В итоге получилась история, близкая к пасторальной, которая скорее соотносится с английской реалистической прозой XIX века.

К произведениям Толстого не теряют интерес на западе с XIX века: либо их экранизируют, стараясь подсветить проблематику, волнующую Толстого, либо их перерабатывают и вписывают сюжеты в современные реалии, либо опираются на текст Толстого как на основу, чтобы на ее почве раскрыть проблему, характерные для другой культуры.

«Великие русские авторы оказались важными не столько из-за новизны и необычности собственных идей и слов, обращенных к европейским читателям, сколько потому, что они рассказали им о них самих: они подсказали слова и придали облик тайным желаниям и страхам, которые читатели неясно и смутно ощущали, в которых не смели себе признаться и которые русские сюжеты наделили плотью и кровью»¹⁶. До сих пор западные художники используют великие произведения русской литературы и их идеи, чтобы через эту призму выразить свою идентичность.

Библиография

- Гроссман Л.П.* Цех пера. Эссеистика / Ред. И. Парина. М.: Изд-во «Аграф», 2000. С. 18-23.
Ребеккини Д. Русский писатель на Западе / История русской культуры. От Николая I до Николая II // *Arzamas.academy*.

Фильмы

- “War & Peace” / dir. Tom Harper. 2016.
“Anna Karenina” / dir. Joe Wright. 2012.
“Love” / dir. Edmund Goulding. 1927.
“L'Argent” / dir. Robert Bresson. 1983.
“Two Jacks” / dir. Bernard Rose. 2012.

¹⁶ *Ребеккини Д.* Русский писатель на Западе / История русской культуры. От Николая I до Николая II // *Arzamas.academy*.

Reception of the works of Leo Tolstoy in Western culture of the XX-XXI centuries

Aleksandra Guzeeva (Bachelor's Program in Philology)

Abstract

The article is devoted to the study of the reception of Leo Tolstoy's works in Western culture of the XX-XXI centuries. The article reflects on how the interest in Russian literature has emerged in the West in the 19th century, as well as the further rethinking of the works of Russian literature pieces and the adaptation of some key ideas. In the following article, characteristic features of film adaptations of several Tolstoy's works are described and singled out, especially two novels – “War and Peace” and “Anna Karenina”. Through the analysis of screen adaptations, it becomes possible to consider how exactly ideas of Leo Tolstoy are revised and how they are related to the cultural identity of different countries and eras.

Keywords: Leo Tolstoy, reception, Russian novel, screen adaptation, War and peace, Anna Karenina, cultural synthesis, Turgenev, literary tradition, western culture

Магистральный сюжет книги В.М. Шукшина «Беседы при ясной луне»

Мария Трубникова (Образовательная программа «Филология»)

Аннотация

В. Шукшин как выходец из деревни не раз сталкивался в Москве с непониманием и отчуждением. Подчас он остро ощущал, что является лишним в городской среде. Работа посвящена анализу последнего прижизненного сборника Шукшина «Беседы при ясной луне» (1974), в котором ярко выражено противопоставление города и деревни. Социальное неравенство, существующее между деревней и городом, породило непреодолимое нарушение речевой коммуникации. Оно исказило человеческую личность и заставило деревенских жителей испытывать комплекс неполноценности перед лицом горожан, а городские жители, напротив, ощущали свое превосходство, пользуясь современными благами. Эта проблема является центральной в изучаемом нами сборнике. Хотя, впрочем, как мы увидим, в рассказе «Чудик» у главного героя этот комплекс неполноценности неожиданно отсутствует.

Ключевые слова: город, деревня, неравенство, переезд, магистральный сюжет, коммуникация, «взаимонепонимание», комплекс неполноценности, чудик, Праздник Души

Одним из самых показательных процессов в истории СССР стала массовая миграция населения России в XX веке из деревни в город. Основная волна переселения пришлась на 1930-е годы. Власть поставила перед собой задачу провести «раскулачивание» зажиточных крестьян, а также ликвидировать индивидуальные сельские хозяйства, переведя их в коллективное целое. Вопреки ожиданиям коллективизация обернулась «вторым крепостным правом» и поспособствовала далеко не вступлению в колхозы, а, наоборот, оттоку населения деревни в город. Всего в период коллективизации таким образом из деревни в города переселилось от 8 до 12 миллионов человек. После коллективизации установилось мнение, что «“хорошей жизни” можно добиться только за пределами села...»¹.

Ситуацию дополнительно осложнило введение паспортной системы в конце 1932 года. Передвижение крестьян осложнялось многими факторами – без паспорта они не могли уезжать далеко от дома. Паспортов у них не было вплоть до 1974 года – их выдавали только жителям городов. Правда существовала система выписок из сельсовета, которая позволяла

¹ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.

Магистральный сюжет книги В.М. Шукшина «Беседы при ясной луне»

крестьянами временно покидать свое место жительства. Переехать из деревни могли мужчины после армии, а также мужчины и женщины, поступающие в университет. Также одним из шагов к миграции служила поездка на заработки. Шейла Фицпатрик пишет: если «...сравнить рабочих на фабриках, то они гораздо живут лучше колхозников...»².

Шукшин поехал в 1954 году в Москву поступать во ВГИК. Близким для него аналогом в прошлом, очевидно, стал переезд С.А. Есенина в Москву под лозунгом «Я отвоевал свою свободу»³. Тоска по родной деревне и ее кардинальное изменение особенно отразились в его стихотворениях «Русь советская» и «Русь уходящая». Анализируя последствия революции, поэт понимает, что его родное Константиново уже не то и что он, как и в Москве, чувствует там себя чужим: «Вокруг меня снуют / И старые и молодые лица. / Но некому мне шляпой поклониться, / Ни в чьих глазах не нахожу приют»⁴. Поэт отвергнут не только старшим, но и младшим поколением, он «почти для всех здесь пилигрим угрюмый»⁵. Сходные ощущения испытывал и Шукшин: чувствуя себя чужим среди односельчан, он стремился в Москву. Даже когда он стал известным писателем, его все же не признавали на Родине: «Ну что Шукшин? Описал, какие мы дураки – теперь весь мир потешается»⁶. Многие земляки считали, что писатель их опозорил, а сам за счет этого улучшил свое материальное положение: «при встречах норовили его спросить: “Ну, расскажи, Василий, и как это ты из лаптя в сапог превратился?”»⁷. Шукшин, говоря про родной дом, признавался: «Жить постоянно не смогу уже. Да и землячки затерзают. С ними хорошо на расстоянии!»⁸. Он чувствовал там себя ненужным, непризнанным и неожиданным. Однако и в городе он был одинок, поскольку часто ощущал пренебрежительное и даже презрительное отношение горожан к себе, как к выходцу из деревни. А.Д. Заболоцкий пишет: «Шукшина я в ту пору не принимал, как с сибиряком

² *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.

³ *Есенин С.А.* Письмо Панфилову Г. А., ноябрь 1912 г., Москва // Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука; Голос, 1995-2002. Т. 6. Письма. 1999. С. 24-25.

⁴ *Есенин С.А.* Русь советская // Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. М.: Наука; Голос, 1995-2002. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы). 1997. С. 405.

⁵ Там же.

⁶ *Заболоцкий А.* О подменах вспоминающих // Шукшин в кадре и за кадром. Записки кинооператора. (<http://www.host2k.ru/library/shukshin-v-kadre-i-za-kadrom-zapiski-kinooperatora6.html>) Дата обращения: 18.01.23.

⁷ *Шелгунова О.* Творческий путь В.М. Шукшина. // (<http://syrrik.narod.ru/shukshin.htm>) Дата обращения: 18.01.23.

⁸ *Заболоцкий А.* О подменах вспоминающих // Шукшин в кадре и за кадром. Записки кинооператора. (<http://www.host2k.ru/library/shukshin-v-kadre-i-za-kadrom-zapiski-kinooperatora6.html>) Дата обращения: 18.01.23.

Магистральный сюжет книги В.М. Шукшина «Беседы при ясной луне»

здоровался, и не более того, старался не разговаривать. Осуждал однозначно»⁹. Сам Шукшин признавался: «Так у меня вышло к сорока годам, что я – ни городской до конца, ни деревенский уже. Ужасно неудобное положение»¹⁰.

Таким образом, неудивительно, что описание взаимоотношений деревенских и городских жителей (некоторые из которых являются вчерашними крестьянами) – это магистральный сюжет книги рассказов Шукшина «Беседы при ясной луне» (1974). Несмотря на то, что сельчане массово покидают деревню и переселяются в города, деревенские жители, да и сам Шукшин, отнюдь не склонны идеализировать город. Писатель изображает взаимоотношения между сельчанами и городскими различными способами. В рассказе «Ванька Тепляшин» город предстает бездушным и беспощадным, ведь вахтер не пускает к Ваньке в больницу его мать, приехавшую из деревни. Город также и «продажный», пропитанный взяточничеством. Врач Ваньки говорит: «Ты бы ему копеек пятьдесят дал...»¹¹. Также в рассказах «Материнское сердце» и «Версия» город предстает обманчивым и лживым. В первом рассказе у Витьки украли все деньги, которые и без того позарез были нужны на свадьбу. После чего он глубоко разочарованный с сильным желанием мстить начинает дебош со словами: «Неужели люди? Разве в этом вшивом городишке есть люди?»¹² А во втором – Саня сталкивается с тем, что женщина из города лишь воспользовалась им, а после сделала вид, что впервые его видит. Саня недоумевает, впервые сталкиваясь с таким бесчувственным отношением: «Она что, озверела?»¹³.

Отсюда возникает противоречие: с одной стороны, сельчане стремятся в город, а с другой – боятся и осуждают его. Именно поэтому деревенские жители часто недовольны жизнью, а подчас у них возникает комплекс неполноценности перед лицом горожан. Эта тема особенно раскрывается в нескольких рассказах:

⁹ *Заболоцкий А.* Институт кинематографии. Знакомство с Шукшиным // Шукшин в кадре и за кадром. Записки кинооператора. (<http://www.host2k.ru/library/shukshin-v-kadre-i-za-kadrom-zapiski-kinooperatora1.html>) Дата обращения: 18.01.23

¹⁰ *Шукшин В.М.* Монолог на лестнице. // (http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/shukshin/1b/j80.html) Дата обращения: 18.01.23

¹¹ *Шукшин В.М.* Ванька Тепляшин // Беседы при ясной луне. М.: Советская Россия, 1974. С. 73.

¹² *Шукшин В.М.* Материнское сердце // Беседы при ясной луне. М.: Советская Россия, 1974. С. 199.

¹³ *Шукшин В.М.* Версия // Беседы при ясной луне. М.: Советская Россия, 1974. С. 299.

- 1) «Медик Володя». Володя, который едет домой в деревню на каникулы, встречает в поезде свою знакомую-студентку. Неожиданно для самого себя, он начинает использовать в речи «модные» слова, например, «хелло»¹⁴ вместо «привет». Однако и сама героиня ничего не сказала ему на этот счет, а «сразу подхватила эту показную вольную манеру»¹⁵. Изображая «городских» перед друг другом, герои пытаются компенсировать свой комплекс неполноценности, словно они вовсе не деревенские, а истинные горожане. После беседы Володя осознает, что с ним произошло, и ему становится глубоко стыдно, противно от самого себя. Мы понимаем: с одной стороны, он долго ждал этой поездки в родную деревню, но с другой – в городе он комплексует из-за того, что он деревенский, и, вероятно, там тоже пытается вести себя так, чтобы в нем его не угадали.
- 2) «Чудик». Жена Дмитрия, переехавшая из деревни в город, тоже стыдится происхождения. Именно поэтому она «детей замучила»¹⁶, заставляя сына играть на пианино и отдав дочь на фигурное катание на городской манер. Она сразу же возненавидела приехавшего из деревни родственника, потому что он своим присутствием напоминает ей о ее корнях, о том, от чего не убежать. Дмитрий недоумевает, почему его жена так изменилась: «А ведь сама из деревни!»¹⁷. Отыгрываясь на Чудике, брате Дмитрия, героиня пытается самоутвердиться за его счет, убедить себя в том, что теперь она настоящая горожанка.
- 3) «Выбираю деревню на жительство». Николай Григорьевич, переехавший из деревни в город, убеждает себя, что прожил отличную жизнь в городе: «Молодец: и в тюрьме не сидел, и в войну не укокошили»¹⁸. Однако, на самом деле, герой прожил вовсе не ту жизнь, какую хотел, поэтому ему остается лишь наслаждаться каждую субботу обществом деревенских жителей, а затем возвращаться в нежеланную жизнь: «Отходил после большого волнения. Тихонько еще ныла душа...»¹⁹. Несмотря на это, переезжать

¹⁴ Шукшин В.М. Медик Володя // Беседы при ясной луне. М.: Советская Россия, 1974. С. 129.

¹⁵ Там же. С. 130.

¹⁶ Шукшин В.М. Чудик // Беседы при ясной луне. М.: Советская Россия, 1974. С. 292.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Шукшин В.М. Выбираю деревню на жительство // Беседы при ясной луне. М.: Советская Россия, 1974. С. 30.

¹⁹ Там же. С. 36.

обратно в деревню он не собирается, так как, во-первых, в городе материально лучше живется, а, во-вторых, потому, что он теперь «свой» для этих мужиков только по субботам на вокзале, а в остальное время он хамит, как и все городские, и ворует на рабочем месте, как и продавщица, которая не доливает пиво.

- 4) «Срезал». Закомплексованный Глеб Капустин тоже пытается отыгрываться на других, но в отличие от героини «Чудика», он живет в деревне, восставая против переехавших из нее в город. Он «срезает» вернувшихся в гости бывших земляков при подначивающем попустительстве остальных мужиков, которые ведут его как «опытного кулачного бойца»²⁰. Глеб готов нести ерунду, путать кандидатов и вызывать у них недоумение, считая, что он победил. Герой пестует свой и своих односельчан комплекс неполноценности, потому что приезжие погостят и уедут обратно, а этим мужик здесь жить.

Таким образом, Шукшин в своей книге представил социальный инвариант развития одной из главных тем классической русской литературы, и, разрабатывавшейся, в первую очередь, А. П. Чеховым – трагическое непонимание людьми друг друга, проявляющееся в неумении наладить речевую коммуникацию друг с другом. Но, по крайней мере, в одном рассказе книги изображается сельский житель, совершенно свободный от зависти перед горожанами и доброжелательно настроенный на общение со всеми людьми. Это герой рассказа «Чудик», которого не смущают и не ожесточают коммуникативные препоны, встающие на его пути по вине высокомерных и не умеющих оценить этого персонажа городских жителей. Он общается со всеми на равных, не чувствуя себя при этом нелепым или смешным: «Он совсем не умел острить, но ему ужасно хотелось»²¹. Когда Чудик собирается в поездку на Урал к брату, то, заехав в магазин за гостинцами, он становится свидетелем некоторой истории. В очереди одна из женщин рассказывает, как «этот», «без году неделя» руководящий коллективом, говорит работнику со склерозом: «Может, вам, Александр Семеныч, лучше на пенсию?»²². Стоящие в магазине подтверждают, что это нахальство и что все «они такие теперь»²³. Шукшин

²⁰ Шукшин В.М. Срезал // Беседы при ясной луне. М.: Советская Россия, 1974. С. 183.

²¹ Шукшин В.М. Чудик // Беседы при ясной луне. М.: Советская Россия, 1974. С. 285.

²² Там же. С. 286.

²³ Там же.

показывает, что люди стали терять чувство такта, уважение к ближним, ведь до этого все терпели склероз Александра Семеныча, старались найти к нему подход. И, на контрасте с тем поколением, которому чуждо человеческое, автор сразу отмечает: «Чудик уважал городских людей»²⁴. Герой рассказа удивительно наивен: видя пятидесятирублевую бумажку на полу в магазине, он «задрожал от радости» вовсе не от того, что приберет ее себе, а от того, что ему удастся «повеселее, поостроумнее сказать»²⁵. Однако, поняв, что бумажка была его, Чудик уже не решается вернуться в магазин, боясь упрека, опасаясь, что ему не поверят и, может, даже не отдадут деньги. В поезде Чудика тоже не понимают: он рассказывает историю «интеллигентному товарищу», но тот не поверил в нее и «отвернулся к окну»²⁶. Шукшин без иронии описывает пассажира самолета, который с таким увлечением читал газету, что «уж послушать живого человека ему не хотелось»²⁷. Возможно, Чудик слишком хорош для мира, в котором люди разучились понимать друг друга. Герой рассказа Шукшина простодушен, ему хочется упасть в облака «как в вату»²⁸, он искренне верит в то, что у него нет микробов, что нет ничего странного в нежном и ласковом сообщении своей жене в телеграмме. Но все же, столкнувшись с порядками горожан, с неудавшейся коммуникацией с ними, Чудик не заикливается на этом и находится в прежнем приподнятом расположении духа.

Жена Дмитрия, брата Чудика, сразу невзлюбила приехавшего из деревни родственника. Брат Чудика горько переживает это: «Видел? Сколько злости в человеке!..»²⁹. Жена Дмитрия, переехавшая из деревни в город, презрительно относится к главному герою потому, что он напоминает ей о ее корнях, о том, что на самом деле она никакая не горожанка. Братья глубоко переживают этот обострившийся конфликт, они искренне не понимают, почему люди становятся такими злыми, почему осуждают деревенских, ведь «в деревне-то люди лучше, незаносистые»³⁰. Однако Чудик не обижается на сноху, он искренне пытается найти с ней контакт, заполнить пробел в коммуникации. Правда, у него свое представление о мире,

²⁴ Шукшин В.М. Чудик // Беседы при ясной луне. М.: Советская Россия, 1974. С. 286.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 288.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 290.

³⁰ Шукшин В.М. Чудик // Беседы при ясной луне. М.: Советская Россия, 1974. С. 291.

отличающееся от взглядов обычных людей. Именно поэтому он решает разрисовать детскую коляску с «журавликами», «травкой-муравкой», «петушками», «цыплятками»³¹. Его рисунок – типичный деревенский пейзаж, от которого жена Дмитрия, конечно, приходит в ярость: «Чтоб завтра же этого дурака не было здесь!»³². И несмотря на то, что Чудик постоянно задается вопросом: «Да почему же я такой есть-то?»³³, Шукшин показывает, что дело далеко не в нем, а в окружающих, которые трагически не понимают друг друга и отдаляются. Это и много мнящие о себе «интеллигент» и жена Дмитрия, и пассажир самолета, который в чтении газеты находит куда больше интереса, чем в живом общении. И хотя Чудик было обидно и больно, «когда его ненавидели», как только он оказался в родной деревне, он снова начал радоваться мелочам, таким, как «рясный парной дождик»³⁴ и песня про тополя. И именно в финале рассказа Шукшин дает нам краткую выжимку из биографии героя: «Звали его – Василий Егорыч Князев»³⁵. И это, как представляется, позволяет нам предположить: не является ли Чудик современной проекцией князя Мышкина, героя романа Достоевского «Идиот», название которого знаменательно перекликается с названием шукшинского рассказа. Он, как и Чудик, с одной стороны, ведет себя как наивный ребенок – генерал Епанчин говорит о Мышкине так: «он почти как ребенок, впрочем образованный»³⁶. В то время как сам князь признает свое простодушие и доверчивость: «меня ужасно обманывали с тех пор, как я получил наследство!»³⁷. Обоих героев не понимает общество, они не могут общаться с ним на равных. Но, с другой стороны, и Мышкин, и Князев могут рассуждать на серьезные темы. Например, герой романа Достоевского произносит глубокий монолог про казнь и про цену жизни, а шукшинский герой рассказывает интеллигенту серьезную историю о том, какова сила материнской любви, а также в беседе с братом приводит в пользу деревни аргумент о знаменитых людях. Однако, впрочем, события, которые происходят с князем Мышкиным,

³¹ Шукшин В.М. Чудик // Беседы при ясной луне. М.: Советская Россия, 1974. С. 292.

³² Там же.

³³ Там же. С. 293.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Достоевский Ф.М. Идиот. М.: Художественная литература, 1983. С. 68.

³⁷ Там же: 266.

Магистральный сюжет книги В.М. Шукшина «Беседы при ясной луне»

трогают его до глубины души, и он теряет рассудок, в то время как Чудик не принимает ничего близко к сердцу, не комплексует и радуется жизни.

Библиография

Достоевский Ф. М. Идиот. М.: Художественная литература, 1983.

Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука; Голос, 1995-2002. Т. 6. Письма. 1999.

Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. М.: Наука: Голос, 1995-2002. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы). 1997.

Заболоцкий А. Шукшин в кадре и за кадром. Записки кинооператора. // (<http://www.host2k.ru/library/shukshin-v-kadre-i-za-kadrom-zapiski-kinooperatora1.html>)
Дата обращения: 18.01.23.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001.

Шелгунова О. Творческий путь В. М. Шукшина. // (<http://syrrik.narod.ru/shukshin.htm>) Дата обращения: 18.01.23.

Шукшин В. М. Монолог на лестнице. // (http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/shukshin/1b/j80.html) Дата обращения: 18.01.23.

Источники

Шукшин В. М. Беседы при ясной луне. М.: Советская Россия, 1974.

The Main Plot of Shukshin’s Book “Besedy pri yasnoj lune” [Conversations on a Clear Moon]

Maria Trubnikova (Bachelor’s Program in Philology)

Abstract

V. Shukshin, as a native of the countryside, more than once faced misunderstanding and alienation in Moscow. Sometimes he acutely felt that he was superfluous in a city environment. The research is devoted to the analysis of Shukshin's last lifetime collection of short stories “Besedy pri yasnoj lune” [Conversations on a Clear Moon] (1974), in which the contrast between the city and the countryside is clearly expressed. The social inequality that exists between the countryside and the city has given rise to an insurmountable disruption of speech communication. It distorted the human personality and made the countryfolk feel an inferiority complex in the face of the townspeople, and the city dwellers, on the contrary, felt their superiority, using the benefits of the modern city. This problem is central in the collection I’m studying. However, in the story “Chudik” [The Odd Fellow] the protagonist unexpectedly lacks this inferiority complex.

Keywords: city, countryside, inequality, move, main plot, communication, mutual misunderstanding, inferiority complex, odd fellow, Holiday of the Soul

Рефлексия о технике в русской философии XX-XXI веков

Татьяна Сидорина, Даниил Морозов (Школа философии и культурологии НИУ ВШЭ)¹

Аннотация

Вниманию читателя предлагается обзор работы сессии по вопросам философии техники в рамках секционного заседания «Социальная природа техники: технократический бумеранг» на XIII Ежегодной международной конференции Школы философии и культурологии Факультета гуманитарных наук «Субъект и ответственность: природа, общество, культура». В сессии принимали участие преподаватели и аспиранты Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ, а также аспиранты философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: техника, современность, технократия, последствия технического развития, Бердяев, Библихин, Вышеславцев

Т.Ю. Сидорина (профессор Школы философии и культурологии, НИУ ВШЭ, руководитель сессии) обозначила задачи научной встречи и вопросы для обсуждения. Обратившись к теме секции, Сидорина отметила, что технический тренд – одна из ключевых тенденций будущего социального развития. Сегодня общество будущего называют техногенным, цифровым, обществом риска. Ключевые вопросы заседания:

– социальные последствия технического развития;

– технократическая концепция, активно эволюционировавшая в течение XX столетия в русле развития зарубежной и отечественной философии техники, философии культуры, философской антропологии.

На рубеже XX-XXI в. технократия в особенности привлекала внимание социальных философов. Но отечественные и зарубежные философы писали о ней и на рубеже XIX-XX вв. в рамках социокультурного, антропологического кризиса, о чем и шла речь на секции, посвященной технократическому тренду в современной социальной истории.

Во второй половине XX века и в начале XXI века техническое развитие вышло на новый этап: современный человек столкнулся с вызовом, масштаба которого и не мог представить

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках выполнения проекта № 23-28-00273 «Рефлексия о технике в русской философии культуры XX-XXI века как ответ на антропологический кризис и технократический императив современности» (2023-2024)

себе раньше. Как сегодня мы понимаем технократию и технократическую перспективу? Признавая экспансивный характер развития техники, признаем ли мы это развитие императивным? Насколько силен тренд организации общества вокруг идеологии технического прогресса? Что происходит с человеком в условиях технологической необратимости?

Первый доклад секции был посвящен вопросу преемственности в русле рассуждений о технике среди русских мыслителей начала XX века и современных представителей философской мысли в России.

Сидорина в своем сообщении «Рефлексия о технике и технократии в исследованиях отечественных мыслителей первой половины XX века и современные тенденции в оценке техники как продолжение философского дискурса рубежа XIX–XX вв. в России» обратилась к актуальным вопросам технократической идеологии, истокам ее исследования русскими философами рубежа XIX–XX вв., сопоставив результаты с интеллектуальным наследием западноевропейской мысли данного периода.

Сидорина отметила, что особенность русской рефлексии о технике – эсхатологический подход к интерпретации технического развития, тревога за человека, его существование, его будущее. Также в русской философской мысли присутствуют истоки критического анализа технического развития и его последствий (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, П.Б. Вышеславцев, Е.Н. Трубецкой, М.О. Гершензон), получившие развитие в концепциях философов рубежа XX–XXI вв. Бердяев и Вышеславцев анализировали переживаемый ими этап технического прогресса: высказывали опасения и оценивали предполагаемые последствия. Их труды, посвященные проблеме технократии, определенно оказали влияние на развитие современной философии техники в России и на Западе.

Позиции русских философов сегодня можно рассматривать как основу для переосмысления вектора технического развития, разработки подходов противостояния технической экспансии. Императивная технократическая перспектива – экзистенциальная и культурная трансформация, меняющая отношения человека и мира.

В. Апетьян (студентка магистерской программы «Философская антропология») обратилась с вопросом: можно ли среди общей критики последствий технического развития в русской философии начала XX в. выделить позитивный подход к перспективам технического

развития? **Сидорина**, отвечая, отметила, что в рамках доклада акцент ставился на критическую составляющую философии техники в России первой половины XX в., учитывая схожесть рефлексии о последствиях развития техники и технической перспективы в западной философии. Но все же можно обнаружить и позитивный подход мыслителей, в том числе – проекты русских космистов, в особенности К.Э. Циолковского, связывающего перспективы цивилизации с возможностями техники.

А.В. Михайловский (доцент Школы философии и культурологии, НИУ ВШЭ, сопредседатель сессии) в докладе «Критика технократии как критика дигитальной культуры в метафизических размышления В.В. Миронова» обратился к вопросу современных подходов к оценке технического развития в исследованиях российских философов. Среди центральных вопросов – феномен технократии как ключевой императив современности и его критика в философской мысли, формирование дигитальной/цифровой культуры как отражение культурного и антропологического кризиса XX столетия, критика культуры в философии В.В. Миронова.

Михайловский отметил, что критика технократии начинается с 1960-х гг. прошлого века и является частным случаем внутри критики техники. Отправная точка – ситуация антропологического кризиса. Если исходить из «господства технических категорий в структуре индустриального общества» (Х. Фрайер), то ситуация антропологического кризиса может быть описана так: доверившийся технической возможности (возможности изготовления и удовлетворения потребностей) человек вынужден думать в чисто технических категориях, поскольку имеет дело только с материалами, а не жизненными партнерами. В конечном счете, сам человек становится материалом техники, а не ее субъектом.

Обращаясь к критике культуры в философии В.В. Миронова², **Михайловский** обращает внимание, что она осуществляется в форме критики цифровой культуры. «Нарастание скорости изменений, связанных с новейшими технологиями, выступает важнейшим фактором доминирования неопределенности и непредсказуемости...»³. Критика дигитальной культуры, с точки зрения метафизики, делает естественным новое обращение к Платону и его мифу о

² *Миронов В.В.* Платон и современная пещера big-data // *Миронов В. В. Метафизика не умирает: Избранные статьи, выступления и интервью: научное издание.* Москва: Проспект, 2020. С. 62-84.

³ Там же. С. 70.

пещере. Миронов предлагает новое понятие – «цифровая пещера» или «современная пещера big-data». Платон описывает ситуацию, когда люди с детства прикованы к пещере и не могут не просто сдвинуться с места, но даже повернуть голову. «Современная пещера – пространство глобальной коммуникации. Условием такой виртуальной, но не менее реальной «прикованности» выступают большие данные, посредством которых человек ныне существует в мире и от которых все в большей степени зависит...»⁴. В современной медийной пещере, воплощении современного мира теней, деформация понимания истины становится еще сильнее, поскольку взгляд человека остается направленным в одну сторону («прикованным к экрану»), а вариативность образов (теней) значительно увеличивается. «Прикованность к виртуальной пещере, образы (тени) которой создаются на основе перебора и манипулирования огромным массивом данных, возможного лишь с помощью компьютера, позволяет им выглядеть не просто убедительно, но именно как объективная реальность. А это, в свою очередь, заставляет нас задуматься о понимании и критериях истины...»⁵. Виртуальная реальность – не просто имитация, а симуляция реальности.

Апетьян задала вопрос о возможности понимания техники как новой среды обитания человека. Есть ли такие концепции в философии техники?

Михайловский: конечно, рассмотрение техники не ограничивается культур-критическим дискурсом с одной стороны и трансгуманистическим дискурсом с другой. Вы верно ищете третий путь; он представлен в работах Павла Флоренского, Эрнста Юнгера и Мартина Хайдеггера. Эти авторы показывают, что техника может открыть в человеке новые силы, новое измерение; об этом говорит и Бердяев.

И.И. Павлов (старший преподаватель Школы философии и культурологии, НИУ ВШЭ) в докладе «К философии техники Владимира Бибикина: предварительные замечания», продолжая тезис Т.Ю. Сидориной о взаимосвязи зарубежной и отечественной философии техники, обращается к анализу размышлений о технике М. Хайдеггера, посвятившего технике и последствиям технического развития массу статей, в которых он представил собственное понимание феномена техники, и сопоставляет выводы последнего с размышлениями о технике

⁴ *Миронов В.В.* Платон и современная пещера big-data // *Миронов В. В.* Метафизика не умирает: Избранные статьи, выступления и интервью: научное издание. Москва: Проспект, 2020. С. 75.

⁵ Там же. С. 77.

русского философа В.В. Бибихина. Павлов отметил, что в отличие от большинства представителей экзистенциальной философии, Хайдеггер, старательно отмежевывавшийся не только от идентификации его как экзистенциалиста и представителя школы экзистенциализма, так и от самого термина «экзистенциальная философия», рассматривал свою экзистенциальную аналитику не как антропологию, а как фундаментальную онтологию, ставящую вопрос о самом бытии. Эту же традицию поддерживает русский философ, испытавший на себе явное влияние Хайдеггера, – Владимир Бибихин. Мир и «Я» для Бибихина – коррелятивные или даже совпадающие вещи. Раскрывая позицию Бибихина, Павлов акцентирует внимание на том, что наиболее актуальными для философии техники в философии Бибихина являются концепты «автомат», «механизм» и «амехания». Понятие автомата Бибихин противопоставляет механизму. Если механизм есть то, что приводится в действие человеком и контролируется им, то автомат, в буквальном переводе с греческого αὐτόματος, Бибихин понимает как то, что движется само собой. Состояние отключения механизмов, отказа от распорядительного отношения к себе и миру, Бибихин называет амеханией.

Павлов приходит к выводу, что в философии Бибихина в силу связи экзистенциальной аналитики с онтологией, концепты «автомат», «механизм» и «амехания» могут быть применены и к технике в строгом смысле. Понятия автомата и амехании Бибихин также применяет для описания онтологии природы. В качестве автомата *par excellence* Бибихин рассматривает саму природную жизнь, с которой человек оказывается связан в состоянии амехании. Соответственно, концепты философии Бибихина могут быть актуальны и для осмысления конкретных практик технического освоения человеком природы. В частности, Бибихин замечает, что амехания приводит к выпадению человека из того дележа энергии, на котором часто построено капиталистическое общество. Конкуренция за энергию настолько высока, что даже в философских размышлениях о понятии энергии деловые люди могут заподозрить претензию на «участие в дележе выгод от потока энергии», поскольку «причастность к энергии, к ее источникам, всякая, даже самая малая, дает в наше время престиж, статус, валюту». Иначе говоря, философия, ставящая своей целью амеханию, оказывается экзистенциальной практикой, имеющей практическим следствием прекращение или, по крайней мере, ослабление технической эксплуатации природных ресурсов. Так, в

философии Бибикина мы видим продолжение экзистенциалистского подхода к философии техники, но в версии «экзистенциализма» как фундаментальной онтологии, предложенной Хайдеггером. Бибикин идет дальше Хайдеггера и рассматривает не столько отвлеченную категорию бытия, сколько онтологию природы и жизни.

Каков же ответ Бибикина на вызов техники? В заключение своего выступления **Павлов** приходит к выводу, что в своих размышлениях Бибикин восходит к стратегии Хайдеггера, увидевшего в греческом слове *τέχνη* возможность рассмотрения техники в корреляции с искусством. Подобно Хайдеггеру, Бибикин видит в искусстве, а особенно – в поэзии, практику анемеханического отношения к миру. Вдохновляясь поэзией, Бибикин на основе специфической модели отношений языка и мира разрабатывает такой стиль философского письма, через который феномены мира аффицировали бы субъекта, приводя его к состоянию анемехании. Иначе говоря, проект философии Бибикина может быть прочитан как определенная практика восстановления связи человека и мира, человека и природы, утраченной в практиках концептуальной и практической эксплуатации мира в научно-технической цивилизации.

Иванова обратила внимание, что в докладе представлены размышления Бибикина о практиках себя, в которых осуществляется прикосновение к миру. Но у Бибикина «мир» – сложная категория, требуется ее расшифровка. Возможно, именно в интерпретации мира Бибикин и Хоружий расходились. Как бы Вы определили «мир» по Бибикину?

Павлов: «У Бибикина основная интуиция состоит в том, что мир – это целое, это всё. Для Бибикина важно не делить мир на разные части».

Во второй части сессии были представлены доклады аспирантов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и НИУ ВШЭ.

А.В. Тимофеева (аспирантка философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова) в своем докладе «Человек как сервомеханизм: пределы органопроекции» сделала акцент на двух мыслителях – Эрнсте Каппе и Павле Флоренском. В основе органопроекции заложена идея о том, что человеческие органы вдохновляли людей на создание технического устройства. Тимофеева воспроизводит идею Павла Флоренского, которая сводится к усложнению человеческих орудий. Несмотря на то, что теория органопроекции не всегда может объяснить усложнение технических устройств, по мнению докладчицы, эта концепция

претерпевает активные изменения. Более того, полемический потенциал органопроекции оказывается все более актуальным в современных реалиях.

Используя понятие «сервомеханизм», **Тимофеева** ссылается на Маршалла Маклюэна и его идею о том, что человек, используя технологии, приобретает свойства механизма («пчелы»), обеспечивающего саморасширение. В современном искусстве активно используется принцип технического «проецирования» человека. Нейросети, цифровая реальность, интеллектуальные системы и эстетически представленные результаты их деятельности представляют собой предмет рефлексии художника. Боязнь и демонизация техники могут быть объяснены тем, что люди в постоянно обновляющемся мире видят в ней самих себя. В связи с этим Тимофеева можно говорить о противостоянии логик гуманизма и трансгуманизма.

Е.Л. Иванова (сотрудник «Центра синергической антропологии», НИУ ВШЭ) в своем вопросе заострила внимание на проблематичности связи трансгуманизма и мысли Павла Флоренского.

А.В. Михайловский отметил, что представление о человеке у Павла Флоренского и современных трансгуманистов различаются на теологическом уровне.

Доклад М.В. Жуковой, аспирантки Школы философии и культурологии (НИУ ВШЭ), под названием «Органопроекция в философии П. А. Флоренского в контексте современного трансгуманизма» продолжил дискуссию. Жукова, отвечая на предшествующие рассуждения, предполагает, что Флоренский испытал бы шок при встрече с трансгуманизмом. В его философии человек – венец творения, именно он определяет момент создания орудия. Технические орудия помогают человеку расширить возможности взаимодействия с миром, но не становятся самоцелью. Далее в докладе были кратко воспроизведены ключевые идеи Флоренского и трансгуманистов.

Жукова обратила особое внимание на критику трансгуманизма со стороны Русской Православной Церкви, изложенную в «основах социальной концепции РПЦ». По мнению Жуковой, Флоренский предлагал все же позитивный взгляд на технику, она, по его мнению, помогает человеку. Однако сознание и телесный образ самого человека должны оставаться без изменений и модификаций.

Доклад вызвал активное обсуждение, в ходе которого **Жукова** пояснила, что, согласно Флоренскому, орудие создается человеком подсознательно (иногда в сновидениях), и мы не можем понять, на основании какого именно органа сделано то или иное орудие.

Михайловский подчеркнул, что в основе органопроекции заложен морфологический принцип (форма некоего органа). В случае с генетикой, искусственным интеллектом или цифровыми системами, которые важны для трансгуманистов, речь идет не о конкретной форме, но о некой рациональной модели.

Сидорина в ответ предложила расширить понимание концепции органопроекции и ограничиваться не только копированием органов, но и моделей, процессов.

О.А. Агапов (профессор Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова) призвал не поддаваться «коммерческому шуму» трансгуманизма и вернуться к видению онтологической полноты, которое было у отца Павла Флоренского.

Е.Л. Иванова также призвала хранить «тайну» человека, которую нельзя подчинить техническому прагматизму.

Далее дискуссия перешла к обсуждению идей другого отечественного мыслителя – Б.П. Вышеславцева.

Д.А. Давлетшина (аспирантка Школы философии и культурологии, НИУ ВШЭ) посвятила свой доклад теме «Технократия как угроза деантропологизации в философской системе Б.П. Вышеславцева». Регульская ссылается на работу Вышеславцева «Критика индустриальной культуры» (1953), согласно которой технократия и индустриализм всегда развиваются вместе. Вышеславцев считал, что индустриальная культура одновременно расширяет возможности человека и умаляет его свободу. Теперь человек-функция должен обслуживать технику, а его творческое начало подавлено. Докладчица воспроизвела известную формулу Вышеславцева: технократия – техника власти и власть техники. Она обусловлена жадной политической и экономической власти, которая есть у определенной группы людей (инженеры, финансовые директора и т.д.). По мнению Вышеславцева, Маркс в своем анализе упустил этот промежуточный класс между пролетариями и капиталистами. Регульская отмечает, что критику технократии Вышеславцев часто связывает с критикой коммунизма, который он понимает как индустриально-тоталитарный режим. Перенос технического принципа «цель оправдывает средства» в сферу морали и права философ

связывал с опасностью деантропологизации, то есть утраты христианского понимания личности.

В ходе обсуждения **Михайловский** указал, что книга Вышеславцева отражает интеллектуальные тенденции эпохи, которые были актуальны и в западной мысли. К примеру, неомарксисты Франкфуртской школы критически относились к технократии и индустриальной культуре. В этом можно обнаружить точку пересечения с Вышеславцевым, который открыто противопоставлял себя марксизму.

Давлетшина подчеркивает, что, согласно Вышеславцеву, не только марксизм, но и капитализм является порождением индустриальной культуры. Необходимо учитывать жизненный опыт мыслителя и негативное отношение к советскому проекту.

Михайловский предложил воспринимать идеи Вышеславцева в том числе как часть антиатомного движения, так как разработка ядерной бомбы становится результатом индустриальной культуры. Милитаризм XX века активно использовал ее достижения.

Д.А. Морозов (аспирант Школы философии и культурологии, НИУ ВШЭ), продолжая тему секции, в докладе «Техника и ratio в имажинативном проекте Я.Э. Голосовкера» обратился к наследию другого отечественного мыслителя XX века. В докладе автор отметил, что Голосовкер встроен в интеллектуальную традицию (к примеру, можно отметить влияние Шпенглера и Бердяева), однако его нельзя причислить к русской религиозной философии. Как и Вышеславцев, Голосовкер критически относится к современной технической цивилизации – «в основе культуры лежит нравственное начало». **Морозов** формулирует ключевой аргумент Голосовкера так: техника сама по себе нейтральна – она может «принести любое добро и любое зло», а значит она находится за рамками этики, то есть за рамками культуры; голый телеологизм цивилизации – вне этики. Русский мыслитель стремится защитить живую культуру с её нравственным началом от мертвой цивилизации, ярчайшим представителем которой становится современная техника. Отвлеченной логике ratio Голосовкер противопоставляет динамическую логику imaginatio (воображения). В эпохи доминирования ratio живущий в человеке «побуд к бессмертию» (имажинативный абсолют) затухает, происходит умаление культурных ценностей, упадок философии, искусства, морали, но не техники.

Reflection on technology in Russian philosophy of the XX-XXI centuries

Sidorina T., Morozov D. (School of Philosophy and Cultural Studies, HSE University)

Abstract

The reader is offered an overview of the work of the session on the philosophy of technology within the framework of the sectional session "The social nature of technology: a technocratic boomerang" at the XIII Annual International Conference of the School of Philosophy and Cultural Studies of the Faculty of Humanities "Subject and responsibility: nature, society, culture". The session was attended by teachers and graduate students of the School of Philosophy and Cultural Studies of the National Research University Higher School of Economics and the Faculty of Philosophy of the Moscow State University by M.V. Lomonosov.

This section of the journal also includes a translation of an article by the German philosopher Hans Blumenberg "Atomic morality versus atomic strategy", in which we continue the discussion of reflection on technology in the philosophy of the twentieth century.

Keywords: technology, modernity, technocracy, consequences of technical development, Berdyaev, Bibikhin, Vysheslavtsev

Технократия как угроза деантропологизации в философской системе Б.П. Вышеславцева

Диана Давлетишина (Аспирантская школа по философским наукам)

Аннотация

В статье рассматривается подход отечественного философа Бориса Петровича Вышеславцева к технократии как политико-экономической системе, формирующей те социальные условия для существования человека, которые способны его «расчеловечить». В рамках указанной проблематики изучаются предпосылки, сформированные новой индустриальной культурой, которые приводят к кризису, в котором человек теряет автономию своей личности и утрачивает способность проявлять себя как свободное и способное к творчеству существо. По мнению Вышеславцева, эти ограничения угрожают свести человека к безликому механизму.

Ключевые слова: Вышеславцев Б.П., индустриализм, технократия, философская антропология, русская религиозная философия

Борис Петрович Вышеславцев (1877-1954) – русский философ, переживший множество важнейших исторических событий, и потому остро ощущающий масштаб метаморфоз мира. В введении к своей работе «Кризис индустриальной культуры» он с долей самоиронии отмечает – «историки, философы и публицисты так много говорят о кризисах, что сам термин начинает надоедать, <...> но мы живем в период войн и революций». Это во многом сформировало подход Вышеславцева к вопросу о технократии. Свои размышления на эту тему он широко развернул в той же «Критике индустриальной культуры», что хорошо вписывается в общую магистраль его мысли об индустриализме, ведь индустриализм неизбежно становится предтечей технократии.

Индустриализм, построенный на научных открытиях и технике, позволил обществу «разрастись», скачком изменив жизнь людей всех классов: повысились длительность и уровень жизни. Это повлекло в том числе значительные культурные, политические и социальные перемены.

Подпитываемый техническими открытиями, индустриализм нес в себе технократическое устремление. К этому, согласно Вышеславцеву, можно относиться двояко: можно склониться

перед неизбежностью технократии, или пытаться реализовать автономию личности внутри индустриального аппарата.

Но почему Вышеславцев видит в технократии угрозу автономии личности? Во-первых, результаты индустриальной революции очевидно стали для человека благом, но также и причиной новых трудностей. За более комфортные условия жизни общество пожертвовало своей духовной культурой и возможностью проявления индивидуальности. Вышеславцев заимствует у Х. Ортеги-и-Гассета термин «массы» – новый тип общественной организации, не успевающий усвоить культурные традиции¹, в которой индивидуум оказывается безликим и статичным, ведомым толпой. Подобная тенденция к обезличиванию ведет к стиранию всякой автономии личности, и этот фактор можно обозначить как социальную предпосылку.

Во-вторых, когда политическая и экономическая власть оказываются сосредоточены в руках узкого круга людей, то такой синтез обретает характер «тоталитарного государственного хозяйства в тоталитарном государстве»². Постановка проблемы технократии как необходимо связанной с тоталитарной системой объясняется Вышеславцевым тем, что в эпоху индустриализма тоталитарная власть не может полностью реализоваться, не захватив индустриальный техно-бюрократический аппарат – источник экономической и политической власти. Поэтому технократия обязательно обретает черты индустриального тоталитарного государства, реализуя формулу «техника власти и власть техники». Этот фактор угрозы автономии личности можно назвать политико-экономическим.

Тех людей, которые стремятся саккумулировать в своих руках экономическую и политическую власть Вышеславцев вслед за Хенриком Де Маном и Г. Д. Гурвичем называет «технократическим классом»: это коммерческие и финансовые директора, инженеры, начальники мастерских, бюрократы государственных учреждений, «планификаторы», секретари синдикатов, профессиональные военные и политики, и даже ученые и профессора, которых Вышеславцев рассматривает как людей с ярко выраженной индивидуальностью и обычно не готовых к сотрудничеству с теми политическими системами, которые свободу

¹ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь мир, 2000. С. 68.

² *Вышеславцев Б.П.* Кризис индустриальной культуры. Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм. New York: "Chalidze Publications", 1982. С. 183.

могут ограничить. Вышеславцев также отмечает, что Карл Маркс совершил большую ошибку в своей классовой теории, упустив из виду технократический класс, который в полной мере нельзя отнести ни к капиталистам, ни к пролетариям, в то время как именно технократы становятся в индустриализме главной политической силой³.

По мнению Вышеславцева, технократия в ее текущем виде неизбежно придет к идеологии социалистического духа, потому что именно социализм способен обеспечить необходимую идейную базу, чтобы сделать возможной ту самую технику власти и власть техники. Изобретать иную политическую или экономическую конструкцию нет необходимости, поскольку эта система уже работает результативно. «Анти-антропологичность» такой системы заключается в том, что она использует слабости нового типа социального существования в таких «массах», где человеческая единица обесценивается. Тем, что утратило свою ценность, проще жертвовать во имя достижения целей технократии. Такая система делает своим кредо слова «цель оправдывает средства», где массы становятся тем самым средством.

При этом Вышеславцев указывает на парадокс: индустриализм – способ порабощения человека, но один из первых идеологов технократического социализма Анри Сен-Симон относился к индустриализму как к возможному освобождению человечества⁴. Анри Сен-Симон был убежден, что с развитием индустрии на смену управлению человека человеком придет управление человека только техникой. В 1817 году он провозгласил лозунг: «Все через индустрию, все для нее!». Руководить и управлять обществом могут и должны тогда только те люди, которые владеют «техникой», потому что с остановкой технического прогресса станет невозможным и достижение справедливого социального устройства общества.

После и В.И. Ленин воодушевился идеей слияния политической и технико-экономической власти, ссылаясь на Сен-Симона как на идеолога раннего марксизма в статье «Три источника и три составных части марксизма» наряду с Франсуа Фурье и Робертом Оуэном. Известно ленинское определение, сформулированное в плане ГОЭЛРО и ставшее в последствии

³Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм. New York: "Chalidze Publications", 1982. С. 183.

⁴ См., например, Волгин В. П. Сен-Симон и сен-симонизм. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. 156. С.

культовым, определяющим в целом советскую политическую культуру: «Социализм есть советская власть плюс электрификация». Таким образом, мы снова возвращаемся к тезису о том, что коммунизму необходимо включение технологического аспекта в политическую систему для ее развития в значении расширения власти, а значит, что коммунизм есть технократия. Вышеславцев поддерживает эту идею, заключая: «Сказать, что все зависит от “орудий производства” и от того, кто ими управляет, — значит признать технократическую идеологию»⁵. Здесь нам важно обратиться именно к Ленину как к практику, который разрабатывал данную идею не только на уровне философского размышления, но и на уровне плана развития государства, последствия попыток осуществления которого мы можем наблюдать сейчас. И последствия таковы, что, согласно Вышеславцеву, в слиянии политическая и технико-экономическая власть образуют тоталитарный режим. Система, выстроенная подобным образом, получает полезные для индустрии результаты и не учитывает необходимости для человека выражать себя.

В рамках изучения технократии вопрос о труде является одним из ключевых для раскрытия темы. В «Критике индустриальной культуры» Вышеславцев дает определение труду в значении совершаемого «в поте лица» усилия; истинное же раскрытие природы человека лежит в творчестве⁶. Здесь кроется религиозное основание философии Вышеславцева: «образ и подобие» Бога обнаруживается в способности человека к творчеству. Без творчества бытийная особенность человека исчезает и делает его неотличным от механизма. Важно и то, что в понимании Вышеславцева творчество – то, что разрешает трудности труда. То есть, труд и творчество находятся в необходимой связи: «Труд и творчество суть противоположности, нераздельно связанные и взаимно проникающие друг друга. Обе присутствуют в каждой человеческой личности, хотя и в разной степени: нет труда без какой-то степени творчества и нет творчества без какой-то степени труда»⁷.

⁵ *Вышеславцев Б.П.* Кризис индустриальной культуры. Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм. New York: "Chalidze Publications", 1982. С. 277.

⁶ Там же. С. 43.

⁷ Там же. С. 46.

Здесь происходит то столкновение, которое обуславливает проблему индустриализма и технократии как деантропологизирующих систем – они оставляют человеку лишь труд, принуждают к строго ограниченному функционалу. Если человеку оставлен только труд, то он неизбежно чувствует, что его личность не получает должного проявления, и, как мы говорили раньше, он превращается в безликий механизм.

В итоге ошибка технократии, особенно в индустриальном духе, может быть обнаружена еще в мысли Сен-Симона, когда он писал, что управление вещами заменит управление людьми, что освободит человека. Но случилось обратное и «управление вещами стало самым мощным средством управления людьми». Технократия «расчеловечивает», складывается ситуация, в которой человек оказывается подчинен технике, Вышеславцев объясняет это так: «Достаточно подумать о той власти над людьми, которую дают такие вещи, как авиация, танки, тракторы, сталь, нефть, уран, атомная бомба и проч. Все дело в том, что грандиозный индустриальный техно-бюрократический аппарат требует абсолютной власти над людьми, включенными в этот аппарат»⁸. Индустриализм для своего развития требует новые мощности, и средством достижения этих мощностей становятся люди, их время и труд. Индустриализм вовлекает массы, ему выгодно работать с толпой, которая сама с трудом различает внутри себя индивидуальности.

Возникает вопрос – почему совершается это закрепощение, если изначальной задачей было освобождение человека? Вышеславцев видит проблему в том, что через развитие индустриализма мы освободились от власти природы над нами, смогли преодолеть ее силы, однако такое освобождение не дало свободы духовной, не дало власти человека над самим собой через созидательные способности и законы морали. И здесь нам вновь необходимо вернуться к религиозному контексту философской мысли Вышеславцева: причины такой подмены представлений о свободе лежат в том, что это результат отказа от христианства, его идеалов и ценностей, воплощающих представления о природе человека, в том числе о свободе, творчестве и ценности каждой личности.

⁸ *Вышеславцев Б.П.* Кризис индустриальной культуры. Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм. New York: "Chalidze Publications", 1982. С. 278.

Особенно критичным становится момент, когда принцип «цель оправдывает средства» начинает распространяться в сфере морали, права и политики. Для Вышеславцева перенесение подобного принципа в сферу морали является пиком кризиса нравственности, в такой идеологии человек воспринимается не как совершенно особенное творение (божественное или нет, но обладающее сознанием и чувствами), не как мыслящая индивидуальная единица, но как ресурс, инструмент обслуживания системы. Отказавшись от религии и христианских ценностей, сменив ракурс на индустриальный идеал, общество потеряло истинное представление о том, что есть свобода и каким образом ее возможно достигнуть. Таким образом человек оказался в положении подчиненного существа, способного на творческое проявление, но не имеющего пространства для действия. И эта новая реальность для Вышеславцева как свидетеля разных эпох особенно контрастирует с христологичностью русской дореволюционной культуры, от которой теперь человек оказался отсечен.

В этом новом социально-политическом сценарии техника не освобождает, но становится способом закрепощения человека, сводя его до набора функций обслуживания индустрии и её технического аппарата. Так, Вышеславцев пишет: «Бесконечно сложный образ нашей эпохи можно выразить в следующей формуле: массы, которые пользуются техническим аппаратом и которые использованы техническим аппаратом»⁹. Потому технократия становится угрозой для дегуманизации, и спасение Вышеславцев видит только в демократизации, борьбе за свободу, автономию личности, народный суверенитет. Именно демократическая тенденция есть противовес тенденции технократической.

Сейчас же, по оценке Вышеславцева, мы находимся в ситуации, когда нравственный регресс с сопутствующим техническим прогрессом ставит нас в положение неандертальца с атомной бомбой в руках, который угрожает разрушением человечества не только с точки зрения морально-нравственной, духовной, культурной, но буквально физической: когда мы, утратив представление о духовных ценностях, уничтожим сами себя. Лишенная нравственных ориентиров индустриально-технократическая система будет готова платить все большую цену

⁹ *Вышеславцев Б.П.* Кризис индустриальной культуры. Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм. New York: "Chalidze Publications", 1982. С. 14.

Технократия как угроза деантропологизации в философской системе Б.П. Вышеславцева

за достижение все желаемых результатов, и тогда взаимное уничтожение государств, сделавших технократию своим идеалом, станет лишь вопросом времени. Так, Т.Ю. Сидорина отмечает, что согласно философии Вышеславцева, индустриализм образует новый тип человека, в котором сочетается «нечто совершенно новое и в то же время древнее и атавистическое»¹⁰.

Таким образом, технократия как главный политический ориентир, создает такие условия для существования человека, которые существенно ограничивают его свободу, не дают пространства для проявления творческого потенциала, в конечном итоге обезличивая и преобразовывая индивидуальность в часть целого, рассматривая его всегда неразрывно с «массой». Для Вышеславцева, носителя христианских ценностей, подобное отношение к человеку немислимо. Каждая человеческая душа для него есть хранитель «света Логоса, искры Божией, небесного огня», что делает невозможным его примирение с ролью трудовой машины. В свою очередь технократия заинтересована в том, чтобы люди, за исключением властвующих над техникой, отказались от своего природного богоподобия. Создаваемая ею среда стремится разрушить те черты, которые делают человека человеком. Но человек способен сопротивляться такой угрозе, не позволить наступить веку дегуманизации.

Библиография

- Волгин В. П.* Сен-Симон и сен-симонизм. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961.
- Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного Эроса. Париж: YMCA-Press, 1931.
- Вышеславцев Б.П.* Кризис индустриальной культуры. Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм. New York: "Chalidze Publications", 1982.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь мир, 2000.
- Сидорина Т.Ю.* Культурные трансформации XX столетия: кризис культуры в оценке западноевропейских и отечественных мыслителей. М.: Проспект, 2018.

¹⁰ *Сидорина Т.Ю.* Культурные трансформации XX столетия: кризис культуры в оценке западноевропейских и отечественных мыслителей. М.: Проспект, 2018. С. 338.

Технократия как угроза деантропологизации в философской системе Б.П.
Вышеславцева

Technocracy as a Threat to Deanthropology in the Philosophical System of Boris Vyssheslavitsev

Diana Davletshina (Postgraduate's Program in Philosophy)

Abstract

The author of this article considers the approach of Russian philosopher Boris Petrovich Vyssheslavitsev to technocracy as a political-economic system, which forms such social conditions for human existence, which are able to "dehumanize" him. The problem in question takes the preconditions formed by the new industrial culture, which then lead to an anthropological crisis in which human loses the autonomy of his personality and loses the ability to manifest himself as a being free and capable of creativity. Vyssheslavitsev sees in such limitations a condition that threatens human to be reduced to the functions of a faceless mechanism.

Keywords: Vyssheslavitsev, industrialism, technocracy, philosophical anthropology, Russian religious philosophy

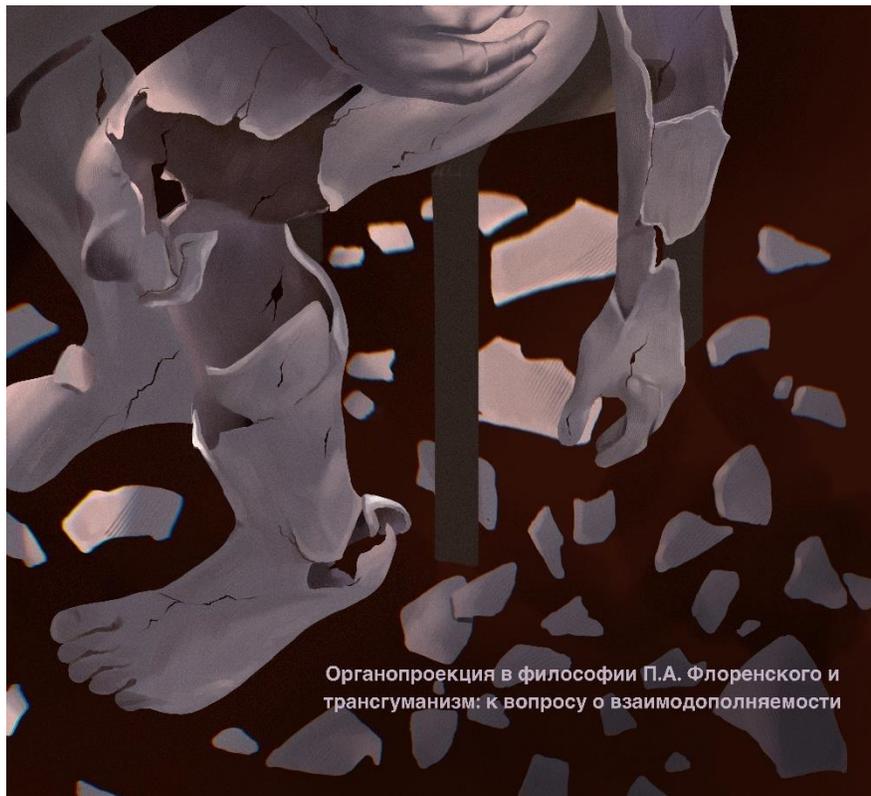
Органопроекция в философии П.А. Флоренского и трансгуманизм: к вопросу о взаимодополняемости

Марина Жукова (Аспирантская школа по философским наукам)

Аннотация

В статье поднимается вопрос о взаимодействии техники и человека на примере идей трансгуманизма и органопроекции. Трансгуманизм является концепцией, поддерживающей внедрение технологий для избавления человеческой жизни от болезней, старения и смерти. Идея органопроекции – представление о технике как о проекции живого организма на орудия – была изложена П.А. Флоренским. Рассмотрение данных подходов позволяет оценить роль человека в техническом творчестве, а также продемонстрировать актуальность развития техники.

Ключевые слова: органопроекция, трансгуманизм, Флоренский, философия техники, антропология

Поскольку современное общество движется по пути технического прогресса, вопросы, которые затрагивает философия техники, имеют все большее значение. Во многом именно технический тренд определяет будущее человечества, создавая тем самым пространство для формирования движений трансгуманизма, изучающих применение техники для расширения

человеческих возможностей. Вследствие чего становится актуальным и рассмотрение взаимоотношений человека и техники.

Трансгуманизм является новой вехой в отношении человека к собственному телу. Технический прогресс XX века внес значительный вклад в систему здравоохранения, поскольку позволил воздействовать на человеческий организм и управлять качеством его жизни. Однако победить такие явления, как старение, болезни и смерть, ему пока не удалось. Поэтому трансгуманизм возлагает большие надежды на технические достижения и продолжает свою деятельность в этом поле.

Стремление избавить людей от страданий – не ново в истории мысли. Однако именно технический прогресс XX века предоставил новые возможности для улучшения человеческого тела, а также позволил концептуализировать методы по борьбе со страданиями и смертью. В результате понятийного оформления появилось такое направление, как трансгуманизм.

Впервые понятие «трансгуманизм» было сформулировано в 1957 году в работе Джулиана Хаксли «Новые бутылки для нового вина»¹. В последующие годы концепция привлекала внимание многих исследователей из разных областей науки и техники. Высоко ценились работы Э. Купера, Р. Эттингера, Ф.М. Эсфендиари (ФМ-2030) и М. Мора. По всему миру создавались движения, направленные на поддержку трансгуманистических идей. Самое крупное движение под названием «Humanity+» было организовано Н. Бустрёмом и Д. Пирсом в 1997 году. Российское трансгуманистическое движение (РТД) было основано Д. Рязановым в 2000 году. Кроме того, были созданы проектные группы, занимающиеся вопросами крионики, цифрового бессмертия и киборгизации. В 2017 году в своей работе «Расшифровка трансгуманизма» Ж. Бобок говорил о концепции трансгуманизма, затрагивая также вопросы о воспроизведении жизни, редактировании генома, развитии технологий искусственного интеллекта, цифровом бессмертии и о расширении возможностей человеческого организма путем вживления в него чипов².

Трансгуманизм рисует будущее без болезней и смерти, но при этом таит в себе опасность обесценивания человеческой жизни. Трансгуманизм может привести человека к своеобразному расчеловечиванию и ослаблению самоидентификации из-за того, что появляется возможность воздействовать на природу человеческого тела. Подобные опасения были высказаны С. Лемом³ и В. Кутыревым⁴. О негативных последствиях, связанных с внедрением технологий в человеческий организм, писал также и Ф. Фукуяма⁵.

Отдельные аспекты трансгуманизма критиковались в «Основах социальной концепции РПЦ», принятой в августе 2000 года. В десятой и одиннадцатой частях, посвященных врачеванию и биоэтике, особенно подверглись критике идеи клонирования, использования технологий для искусственного улучшения тела и процесса деторождения, а также идея о злоупотреблении лекарственными препаратами, используемыми в качестве допинга. В документе подчеркивается значимость медицины в жизни человека и отмечается

¹ Huxly J. New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957. P. 93.

² Bobok J. Le transhumanisme décrypté: Métamorphose. Paris: Apopsix, 2017.

³ Лем. С. Сумма технологии // (<http://lib.ru/LEM/summa/summgl8b.htm>) Дата обращения: 05.10.2022.

⁴ Кутырев В.А. Философия трансгуманизма. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. С. 36-38.

⁵ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004. С. 127-129.

необходимость обращения к врачу в случае болезни, однако определяется четкая граница допустимого воздействия на тело человека. Ведь тело человека есть храм, о котором необходимо заботиться и сохранять его в первозданном виде⁶.

Трансгуманизм, с одной стороны, представляет собой притягательную теорию возможного будущего человека, свободного от болезней и смерти. С другой стороны, если эти идеи будут реализованы, жизнь человека может потерять свою ценность, а постоянная гонка за улучшением привести к непредсказуемым последствиям. В связи с этим возникает вопрос о том, возможен ли трансгуманизм без расчеловечивания.

Попыткой примирить развитие технологий и жизнь является концепция органопроекции, сформулированная П.А. Флоренским в работе «У водоразделов мысли». Смысл органопроекции заключается в поиске соответствий между природой и техникой⁷. Органопроекция говорит о неживом как о продолжении живого, другими словами, об уподоблении искусственно-произведенных орудий естественно выросшим органам. Целью создания орудий является расширение возможностей человека. Флоренский приводит пример смещения границы в качественном и количественном отношении. Расширение чувствительности человека в количественном отношении доказывается с помощью аппарата Феддерзена. Человек способен уловить течение времени до 1/500 секунды. Аппарат же позволяет отметить изменение уже на 1/100.000.000 секунды. Таким образом, чувствительность увеличивается в двести тысяч раз⁸. Примером изменения чувствительности на качественном уровне является опыт Линдсея и Варлея с энергией электромагнитных полей. Увеличение магнитов, приближение и отдаление от них человека не дало никаких результатов, поскольку человек не способен почувствовать электромагнитную энергию. Однако изобретение компаса решило эту проблему и позволило человеку ориентироваться в пространстве⁹.

⁶ Основы социальной концепции РПЦ // (<http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>) Дата обращения: 01.10.2022.

⁷ Флоренский П.А. У водоразделов мысли М.: Академический проект, 2017. С. 405.

⁸ Там же. С. 407.

⁹ Там же. С. 409.

Человек и мир, говорит Флоренский, бесконечны и равномоцны. Они соотносятся как микрокосм и макрокосм. Человек значительно меньше мира, однако он столь же сложен. Весь мир, таким образом, содержится в человеке, но это не умаляет его значимости и многокомпонентности. В этом приближении человек является конспектом мира, а мир – его раскрытием и проекцией¹⁰.

До грехопадения весь мир был продолжением человека, после грехопадения в человеке происходит борьба жизни и смерти и утрата баланса. Орудия необходимы как раз для того, чтобы человек получил возможность возобладать над миром и восстановить утраченный баланс. То есть орудие представляет собой расширение человеческого организма, искусственный орган, приставленный к тому члену, деятельность которого недостаточна для приведения предмета в действие. Флоренский называет орудие проросшим в природу человеческим телом¹¹.

Действие и орган находятся в неразрывной связи, так как орган определяется через его функцию. Орган и орудие направлены на выполнение одной и той же функции, поэтому между ними обнаруживается морфологическое сходство. Флоренский приводит множество примеров в подтверждение своей идеи: он отмечает сходство между сердцем и помпой, бронхами и флейтой, зубами и пилой, руками и весами. Таким образом, на основе организма и органов можно понять, каким образом будет работать орудие. Орудие является неким продолжением, внешним очерком, тенью органического первообраза. В связи с изложенной схемой возникает ряд вопросов: все ли органы проецируются в техническом творчестве; все ли орудия являются проекциями какого-либо из органов.

На оба вопроса можно ответить отрицательно. Это связано по большей части с тем, что в знании биологии об устройстве человека по-прежнему остаются пробелы. Процесс же развития техники не ограничен, поэтому не все органы проецируются на технику на данный момент. Исторической задачей техники является восполнение этого недостатка, то есть сознательное продолжение органопроецирования. Флоренский обращается к суждениям К. Дюпреля, который, отмечая минимальные затраты природы в процессе достижения той или

¹⁰ Флоренский П.А. У водоразделов мысли М.: Академический проект, 2017. С. 448.

¹¹ Там же. С. 405.

иной цели, считал, что человеку необходимо сознательно подражать ей, а не совершать открытия случайным образом¹². Также нельзя сказать и о том, что все орудия являются проекцией одного из органов. Человеческое тело представляется в стилизованном виде, орудия же создаются из глубины жизни с опорой на потенциальный образ человека. Так, человек может совершить открытие – осуществить проекцию органа значительно раньше, чем этот орган будет изучен с точки зрения его строения и функционирования.

Флоренский отмечал параллельность линий развития жизни и техники. Они могут опережать друг друга. Знания о человеке и свершения технических открытий не совпадают хронологически, что объясняет не всегда явные образы жизни в новых изобретениях техники¹³. Таким образом, как изучение организма может быть ключом к техническим изобретениям, так и анализ технических изобретений может быть поводом для самопознания.

Концепция органопроекции говорит о неразрывной связи технического прогресса и строения человеческого организма. Орудия создаются так, чтобы качественно и количественно расширить чувствительность человека, сместить рамки возможного и подчинить человеку окружающий мир. Трансгуманизм же ищет пути внедрения технологий в человеческий организм для того, чтобы максимально снизить воздействие окружающего мира на человека и обрести контроль над продолжительностью жизни. Таким образом, как органопроекция, так и трансгуманизм видят в технике возможность расширения человеческих возможностей. Обе концепции отмечают необходимость технического прогресса для того, чтобы повлиять на жизнь человека.

Однако, несмотря на то что цели трансгуманизма и органопроекции во многом схожи, их отношение к человеку и его телу различается. Органопроекция говорит о человеке как об образе, который переносится на технику. Человек вдохновляет техническое творчество своим сложным устройством. Трансгуманизм же, наоборот, указывает на недостатки человеческого организма и стремится от них избавиться. Техника в трансгуманизме утилитарна, ее развитие необходимо человеку для упрощения жизни. Техника в органопроекции приобретает особый смысл за счет актуализации морфологического сходства между организмом и орудиями и

¹² Флоренский П.А. У водоразделов мысли М.: Академический проект, 2017. С. 407.

¹³ Там же. С. 415.

способствует самопознанию человека. Морфологическое сходство указывает на телеологическое устройство человеческого организма. Технические устройства как проекции органов расширяют возможности, выполняя функции, которые были им делегированы. Морфологичность подчеркивает, что данные способности были заложены и в органе, однако в ограниченном виде.

Опасения критиков трансгуманизма, связанные с расчеловечиванием и обесцениванием жизни, могут развеяться при обращении к идеям Флоренского об органопроекции. Усмотрение морфологических соответствий между органами и орудиями меняет отношение к человеческому организму как прототипу технических сооружений, техника же, в свою очередь, может рассматриваться с прогностической точки зрения в области изучения человека. Такое основание способствует поддержанию здорового отношения к человеческому организму, а также к количеству внедряемых в него технологий.

Трансгуманизм во многом является утопической теорией, которая привлекает будущим без страданий и смерти, но при этом может привести к утрате ценности человеческой жизни и расчеловечиванию. Органопроекция, предложенная Флоренским, наоборот, делает акцент на человеке и на его телесной ценности. Поэтому если подкрепить идеи трансгуманизма воззрениями о ценности человеческого организма, исчезнет возможность расчеловечивания и утраты жизненного смысла. Таким образом, возрождение идеи органопроекции в рамках концепции трансгуманизма способно привести к кардинально иным путям его развития.

Библиография

Кутырев В.А. Философия трансгуманизма. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010.

Лем. С. Сумма технологии // (<http://lib.ru/LEM/summa/summg18b.htm>) Дата обращения: 05.10.2022.

Основы социальная концепция РПЦ // (<http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>) Дата обращения: 01.10.2022.

Старение и здоровье. Сайт ВОЗ // (<https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health>) Дата обращения: 05.10.2022.

Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М.: Академический проект, 2017. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004.

Bobok J. Le transhumanisme décrypté: Métamorphose. Paris: Apopsis, 2017. *Huxly J.* New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957.

Organ Projection in the Philosophy by P.A. Florensky and Transhumanism: on the Question of Complementarity

Marina Zhukova (Postgraduate's Program in Philosophy)

Abstract

The article is devoted to the problem of technology-human interaction. The author approaches this subject by comparing the studies of transhumanism and organ projection. Transhumanism is a concept that promotes the introduction of technological advances into human life to increase its capabilities and reduce undesirable aspects of human existence such as illness, aging and death. P.A. Florensky outlined the concept of organ projection, which implies that technology is a projection of a living organism onto tools. Consideration of these approaches makes it possible to assess the role of a person in technical creativity, as well as to demonstrate the relevance of technology development.

Keywords: organ projection, transhumanism, Florensky, philosophy of technology, anthropology

Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев как участники эмигрантских дискуссий о религиозном в самосознании интеллигенции¹

Алина Жукова (Стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога. Магистерская программа «Философская антропология»)

Аннотация

В данной статье рассматриваются взгляды двух русских религиозных философов, Г.П. Федотова и Н.А. Бердяева, на проблему религиозного в самосознании интеллигенции. До высылки из России в 1922 году Н.А. Бердяев опубликовал ряд статей, посвященных русской интеллигенции, среди которых можно выделить «Философскую истину и интеллигентскую правду», размещенную в «Вехах», а также целый сборник «Духовный кризис интеллигенции». Г.П. Федотов же начал публиковаться лишь после переезда во Францию, где написал статью «Трагедия интеллигенции», сделавшую его известным публицистом в эмигрантских кругах. Во Франции Федотов знакомится с Н.А. Бердяевым во время собраний в его доме в Кламаре, на которых обсуждаются проблемы современного православия. Задача этой статьи – поместить «Трагедию интеллигенции» в контекст этих эмигрантских дискуссий и взаимоотношений Г.П. Федотова и Н.А. Бердяева. Особое внимание уделяется проблеме религиозного в самосознании интеллигенции, которая появилась в связи с конфликтом между Г.П. Федотовым (на стороне которого выступил Н.А. Бердяев) и Правлением Свято-Сергиевского богословского института в Париже.

Ключевые слова: Федотов, Бердяев, русская интеллигенция, религиозно-философское возрождение, православный модернизм, религиозное самосознание, Свято-Сергиевский богословский институт

Одна из ключевых особенностей русского религиозного ренессанса начала XX века – обращение части интеллигенции к религиозным идеям и интеграция этих идей в собственное миропонимание. Также представители интеллигенции пытаются осмыслить свою роль в трагических событиях этого периода. На революцию 1905 года в 1909 году откликаются

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев как участники эмигрантских дискуссий о религиозном в самосознании интеллигенции

авторы сборника «Вехи»: Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, С.Л. Франк и др. «Вехи» вызывают последующую дискуссию в различных кружках и способствуют выходу все новых сборников и статей (например, «Интеллигенция в России»). На революцию 1917 года отвечает еще один сборник «Из глубины», в который вошло несколько статей веховцев. Также из доэмигрантских источников стоит отметить близкий «Вехам» по духу сборник статей Н.А. Бердяева «Духовный кризис интеллигенции». Вопреки социальным потрясениям и многочисленным личным трагедиям, эмиграция продолжает выступать с самокритикой интеллигенции. К начатой интеллигенцией самокритике присоединяются и новые авторы.

Наиболее заметным и одаренным из них был Г.П. Федотов, младший современник поколения веховцев. Получив религиозное воспитание в детстве, в юности он проходит обычный для интеллигента начала XX века путь увлечения марксистскими и социал-демократическими идеями (этому способствовало, в том числе, многолетнее общение с Т.Ю. Дмитриевой). Возвращение в Церковь случается у Г.П. Федотова после революции 1917 года – он оказывается участником религиозного кружка «Воскресение» вместе с А.А. Мейером, И.М. Гревсом и А.В. Карташевым, в то же время начинает публиковаться в журнале «Свободные голоса», но выпускает всего несколько статей. Участвовать в обсуждениях «Воскресения» Г.П. Федотов продолжает вплоть до эмиграции, и уже спустя пару лет после приезда в Европу он проявляет себя как талантливый публицист в статье «Трагедия интеллигенции».

Н.А. Бердяев, с которым теснее всего Г. Федотов сблизился в эмиграции, отчасти критически отреагировал на его работу в своих «Истоках и смысле русского коммунизма» и «Русской идее». В настоящей работе предпринимается попытка поместить «Трагедию интеллигенции» Г.П. Федотова в контекст эмигрантских дискуссий о религиозном в самосознании интеллигенции. Особое внимание уделяется соотношению позиции Г.П. Федотова в этом вопросе с позицией Н.А. Бердяева, который участвовал в обсуждениях не только как автор трактатов, но и как активный полемист. Наиболее репрезентативным из дискуссий является конфликт между Г.П. Федотовым и Правлением Свято-Сергиевского богословского института в Париже, когда в его защиту выступил Н.А. Бердяев. Рассмотрению

Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев как участники эмигрантских дискуссий о религиозном в самосознании интеллигенции

этого сотрудничества в контексте общей проблемы интеллигенции посвящена последняя часть статьи.

Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев в религиозно-философских эмигрантских объединениях

В отличие от подавляющего большинства российской интеллигенции, Г.П. Федотов эмигрирует довольно поздно. В 1925 году он приезжает сначала в Германию для работы над магистерской диссертацией, а затем переезжает во Францию. Вскоре после прибытия в Париж, зимой 1925-1926 года, Федотов начинает публиковаться в евразийском журнале «Версты». Выбор журнала, не близкого ему по взглядам, был скорее вынужденным: в послевоенной Франции карьерные перспективы Г.П. Федотова разочаровали – он не получил место в университете, не опубликовал свою магистерскую диссертацию по меровингам, а заказов на переводы, которыми он хорошо зарабатывал, находясь в России, становилось все меньше². С парижским кружком евразийцев он знакомится через саратовского приятеля и литовского евразийца В. Сеземана. На раннем этапе евразийским движением увлекались многие представители философской интеллигенции: Н. Трубецкой, Л. Карсавин, Г. Флоровский. Их, как и других евразийцев, объединяла ранняя эмиграция из постреволюционной России. Напротив, Г.П. Федотов переехал в Европу позже них, а время, проведенное при советской власти, стало, по замечанию С.С. Бычкова, решающим аргументом в пользу критического восприятия евразийского мировоззрения, которое отражено им в «Трагедии интеллигенции». Публицистический талант, проявленный в этом эссе, был настолько ярким, что евразийцы выпустили его в втором номере журнала (№2, 1927) без редатуры³, но под псевдонимом Е. Богданов. Годом ранее в первом номере была размещена его же статья «Три столицы», но именно «Трагедия интеллигенции» принесла Г.П. Федотову известность. Знакомство с эмигрантской интеллигенцией у него происходит примерно в это же время. О встрече с Г.П. Федотовым в Берлине зимой 1926-1927 года с особым трепетом вспоминает Ф.А. Степун. Чуть позже Федотов знакомится и сближается с Н.А. Бердяевым на собраниях в его доме в Кламаре.

² Бычков С.С. Г.П. Федотов (биографический очерк) // Собрание сочинений в 12 т. Т. 1: «Абеляр» и статьи 1911-1925 гг. / Сост., вступ. ст., примеч. С.С. Бычков, примеч. М.Г. Галахтин. М.: Мартис, 1996. С. 25.

³ Там же. С. 26.

Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев как участники эмигрантских дискуссий о религиозном в самосознании интеллигенции

В 1926 году Г.П. Федотов начинает преподавать в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже, как и в случае с публикацией статей, в не слишком близком по идеям журнале, скорее вынужденно. А.А. Войтенко указывает на то, что «[о]сновные его соратники и единомышленники находились в других местах – в Кламаре (Н.А. Бердяев) и на улице Лурмель, где располагалась «штаб-квартира» организации «Православное дело», куда, помимо Федотова, входили Мария (Скобцова), И.И. Фондаминский, Ф.Т. Пьянов и <...> К.В. Мочульский»⁴, и за полтора десятка лет карьеры в институте ему не удалось сблизиться ни с кем из преподавателей. Что касается публицистической деятельности Г.П. Федотова и Н.А. Бердяева, то главным их проектом можно считать журнал «Путь».

Религиозное самосознание интеллигенции как проблема: подходы Г.П. Федотова и Н.А. Бердяева

«Трагедию интеллигенции» Г.П. Федотов пишет на тему, которая представляется ему «одной из роковых тем, в которых ключ к пониманию России и ее будущего»⁵. Еще более актуальной эта тема становится для него после революции. Напротив, для Н.А. Бердяева в эмигрантский период проблема интеллигенции отходит на второй план и продолжает разрабатываться в контексте историософии русского коммунизма и размышлений о русской идее. Не последним ориентиром в этих размышлениях для Н.А. Бердяева становится «Трагедия интеллигенции».

Определяя интеллигенцию, Г.П. Федотов исходит из, на его взгляд, «бесспорного факта – существования группы, именуемой интеллигенцией, и ее самосознания, к самоописанию которого сводится вся история русской общественной мысли и литературы. Первое определение интеллигенции – идейность, наличие идеала, который «практически замещает религию <...>, но по происхождению отличный от нее»⁶. В случае, когда идейность не связана с положительной религией (например, у Чаадаева), но замещает ее, она перенимает догмат и

⁴ Войтенко А.А. «Напишу, что я отныне не уважаю своих коллег». Действующие лица конфликта Г.П. Федотова с Правлением Богословского института в Париже (1939) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, №4. С. 61.

⁵ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Собрание сочинений в 12 т. Т. 4: Статьи 30-х годов из журналов ВРСХД, «Современные записки», «Числа», «Версты», «Новый град» / Примеч. С.С. Бычков. М.: Sam & Sam, 2012. С. 23.

⁶ Там же. С. 27.

Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев как участники эмигрантских дискуссий о религиозном в самосознании интеллигенции

святость: «догмат определяет характер поведения (святости), но сама святость сообщает системе «истин» характер догмата, освящая ее и придавая ей неприкосновенность и неподвижность»⁷ – такая система, по словам Г.П. Федотова, не может развиваться. Второе определение интеллигенции – беспочвенность: из-за своей идейности интеллигенция оказывается в состоянии отрыва от национально-культурной традиции, включая национальную религию. На основании этих двух определений Г.П. Федотов исключает из интеллигенции, например, почвенников, а также Толстого и Достоевского⁸. Зерно раскола, который привел русскую культуру к этой трагедии беспочвенности и появлению интеллигенции, видится ему в переводе на старославянский язык Библии и богослужений: облегчение задачи христианизации народа произошло «ценой отрыва от классической традиции»⁹, к которой потом и тянулась интеллигенция. С оценкой критичности этого факта для формирования раскола и беспочвенности в целом спорит позже и Н.А. Бердяев – «интеллигенция была русским явлением и имела характерные русские черты, но она *чувствовала себя беспочвенной*»¹⁰ – в его видении беспочвенность и революционность могут быть национальными, подлинно русскими чертами. То есть, согласно Бердяеву, интеллигенция – это, прежде всего, русское явление, которому присущи черты русской души, имеющей религиозную православную основу. Вдобавок к «подлинно русским» у интеллигенции есть и характерные именно для этого образования черты: раскол, отщепенство, скитальчество, невозможность принятия настоящего.

Возникновение интеллигенции Г.П. Федотов относит ко времени реформ Петра Великого, когда возникает лавинообразный импорт западной культуры в «стране, лишенной культуры мысли», который порождает отрыв и, как следствие, беспочвенность и идейность. «Беспочвенность рождается из пересечения двух несовместимых культурных миров, идейность – из повелительной необходимости просвещения, ассимиляции готовых, чужим

⁷ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Собрание сочинений в 12 т. Т. 4: Статьи 30-х годов из журналов ВРСХД, «Современные записки», «Числа», «Версты», «Новый град» / Примеч. С.С. Бычков. М.: Sam & Sam, 2012. С. 28.

⁸ Там же. С. 29.

⁹ Там же. С. 31.

¹⁰ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-Press, 1971. С. 28. Курсив мой – А. Жукова.

Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев как участники эмигрантских дискуссий о религиозном в самосознании интеллигенции

трудом созданных благ – ради спасения, сохранения жизни своей страны»¹¹. Получается, что цели, ради которых интеллигенция откололась от русской культуры, были благородными и оправданными, они исходили из условий этой самой русской культуры. В понимании Н.А. Бердяева первый интеллигент появляется позднее – в виде фигуры Радищева: «когда Радищев в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» написал слова: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала», русская интеллигенция родилась»¹². Интеллигенция у него меньше зависит от исторических условий, но больше от внутреннего духовного импульса.

Следующий этап в трансформации интеллигенции наступает в XIX веке. Фоном новой русской истории после восстания декабристов в 1825 году, как признает Г.П. Федотов, является Церковь – она «обретает свой язык, начинает формулировать догмат и строй православия»¹³; поддерживает народ и государство. Однако интеллигенция новой формации идет вопреки общей тяге к почвенничеству, уходит из Петербурга в Москву, увлекается немецким идеализмом. По иному пути идут и славянофилы: они видят перед собой не Империю, но допетровскую Русь и рассматривают Церковь как основу всей прошлой и настоящей России, тем самым уходят от интеллигенции в другую сторону¹⁴. Влияние возрастающей роли Церкви и роста религиозности Г.П. Федотов прослеживает и в народничестве, за которым, в отличие от почвенничества, он признает право принадлежности к интеллигенции. Но это «стихийное безумие религиозного голода, не утоленного целые века»¹⁵ за несколько лет к 1879 году радикализуется настолько, что происходит «срыв эсхатологизма»¹⁶, как его называет Г.П. Федотов, который уничтожает это движение.

¹¹ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Собрание сочинений в 12 т. Т. 4: Статьи 30-х годов из журналов ВРСХД, «Современные записки», «Числа», «Версты», «Новый град» / Примеч. С.С. Бычков. М.: Sam & Sam, 2012. С. 38.

¹² Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-Press, 1971. С. 30.

¹³ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Собрание сочинений в 12 т. Т. 4: Статьи 30-х годов из журналов ВРСХД, «Современные записки», «Числа», «Версты», «Новый град» / Примеч. С.С. Бычков. М.: Sam & Sam, 2012. С. 45.

¹⁴ Там же. С. 46.

¹⁵ Там же. С. 50.

¹⁶ Там же. С. 52.

Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев как участники эмигрантских дискуссий о религиозном в самосознании интеллигенции

Оставшиеся в живых «кончают православием», совершая религиозный исход – прочь от интеллигентского безрелигиозного русла.

Марксизм, появившийся в России в 90-х годах XIX века, по указанию Г.П. Федотова, поспособствовал этому исходу: являясь по своей сути иудео-христианской сектой, на русской почве он стал «не только рассадником политических буржуазных идеологий (Струве), но и богословских течений»¹⁷. Отмечая эту характеристику марксизма, Ф.А. Степун видит в ней ряд преувеличений: «учения Бердяева, Булгакова, Франка и Струве отнюдь не являются актуализацией православных потенций марксизма, а безоговорочным отрицанием его псевдорелигиозной материалистической философии»¹⁸, – это он объясняет марксистской закваской автора «Трагедии интеллигенции». В начале XX века интеллигенция, по мнению Г.П. Федотова, продолжила растворяться, главным образом, в православном возрождении (религиозно-философские кружки), а также путем укоренения, обретения почвы в строительстве новой России. К 1914 году, по словам Г.П. Федотова «интеллигенция растаяла почти бесследно»¹⁹, довершила дело война. Н.А. Бердяев, напротив, воспринимает процесс изменения сознания интеллигенции позитивно: в это время «[т]радиционное мирозерцание левой интеллигенции пошатнулось. Вл. Соловьев победил Чернышевского»²⁰. Но религиозно-философские собрания и кружки просуществовали не так долго. Сама же интеллигенция стала распадаться на разные направления и течения, в эмиграции эта склонность будет вновь проявлена.

¹⁷ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Собрание сочинений в 12 т. Т. 4: Статьи 30-х годов из журналов ВРСХД, «Современные записки», «Числа», «Версты», «Новый град» / Примеч. С.С. Бычков. М.: Sam & Sam, 2012. С. 56.

¹⁸ Степун Ф.А. Г.П. Федотов // Большевик и христианская экзистенция. Избранные сочинения / Федор Августович Степун / Сост. В.К. Кантор. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 274.

¹⁹ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Собрание сочинений в 12 т. Т. 4: Статьи 30-х годов из журналов ВРСХД, «Современные записки», «Числа», «Версты», «Новый град» / Примеч. С.С. Бычков. М.: Sam & Sam, 2012. С. 58.

²⁰ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-Press, 1971. С. 221.

Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев как участники эмигрантских дискуссий о религиозном в самосознании интеллигенции

Революция, как прослеживает Г.П. Федотов, меняет определения народа и интеллигенции. К 1917 году народ «максимально беспочвенен, но и максимально безыдеен»²¹, а после революции он находит вновь свою почву в земле, труде и хозяйстве, но «в его сознании на месте тысячелетних основ жизни образовалась пустота»²². Тем самым народ обретает определения, которые раньше были присущи интеллигенции, а «западничество становится народным, отрыв от национальной почвы – национальным фактом»²³. Интеллигенция тоже меняется – Г.П. Федотов приводит здесь свои наблюдения, сделанные еще в России: бывшая интеллигенция, народники и эсеры идут в Церковь. Он называет это концом векового маскарада: «наконец-то поколения «святых, не верующих в Бога», нашли своего Бога и вместе с Ним нашли себя»²⁴, тем самым вернулись в лоно русской религиозной культуры. Н.А. Бердяев ничего не говорит о возможности появления новой интеллигенции, как не говорит и о «смерти» старой. Его волнует вопрос раскола и разрыва между «этажами культуры», на которых жили деятели ренессанса, революционные социальные движения и левая интеллигенция: «[д]еятели революции совсем не интересовались темами «Ивановских сред», а люди культурного ренессанса <...>, большинство из них было асоциально и очень далеко от интересов бушевавшей революции»²⁵.

Во многом такая оценка Н.А. Бердяева связана с тем, что в 1946 году, когда он пишет «Русскую идею», тема интеллигенции, ее религиозности и ответственности его уже не интересует. Напротив, Г.П. Федотов в статье 1947 года «Судьбы империй» ставит перед интеллигенцией в эмиграции (существование которой подразумевает) вполне определенную задачу. Говоря о русском человеке, который покрывся «еловой корой» за тридцатилетие коммунизма, он замечает, что «не одно поколение понадобится для его перевоспитания, то есть для его возвращения в заглохшую традицию русской культуры, а через нее – и русского

²¹ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Собрание сочинений в 12 т. Т. 4: Статьи 30-х годов из журналов ВРСХД, «Современные записки», «Числа», «Версты», «Новый град» / Примеч. С.С. Бычков. М.: Sam & Sam, 2012. С. 60.

²² Там же. С. 61.

²³ Там же. С. 61.

²⁴ Там же. С. 61-62.

²⁵ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-Press, 1971. С. 247.

Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев как участники эмигрантских дискуссий о религиозном в самосознании интеллигенции

христианства. К этой великой задаче должна уже сейчас, в изгнании, готовиться русская интеллигенция вместо погони за призрачными орлами Империи»²⁶. От Империи же интеллигенция смогла отказаться впервые в XIX веке после Пушкина, уйдя в иллюзию жизни в Руси. Однако за 8 лет до этого в 1939 году Г.П. Федотов в статье «В защиту этики» говорит о том, что интеллигенция закончилась с Лениным (помним, что на тот момент Н.А. Бердяев уже написал книгу, в которой связал возникновение коммунизма с интеллигенцией). По-видимому, именно 1939 год стал и для Г.П. Федотова, и для Н.А. Бердяева пограничным в переоценке своего понимания интеллигенции.

Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев как интеллигенты в противостоянии со Свято-Сергиевским богословским институтом

«Федотов единственный, который, придя в Церковь, не отказался от своего интеллигентски-революционного прошлого. Читая его, иной раз видишь перед собой типичного русского интеллигента-радикала марксистского толка, поселившегося в келье старца, и в этом не чувствуется раздвоение личности, а как бы религиозная двухполюсность ее»²⁷ – именно этим он, по словам Ф.А. Степуна, отличается от Бердяева, Булгакова, Франка и Струве. Действительно, уже с середины 1930-х годов у Г.П. Федотова начинаются конфликты в Богословском институте – поводом для первого из них стало его выступление с докладом «О русско-еврейской дружбе», в котором анализировались взаимоотношения между евреями и русскими в контексте переосмысления эмиграцией православия. В этот момент против него выступили «правые» движения (черносотенцы и монархические круги) с антисемитскими высказываниями. Следующий виток противостояния происходит в 1936 году, когда Г.П. Федотов в «Новой России» публикует статью о Гражданской войне в Испании и посвящает ее Долорес Ибаррури, деятельнице испанского коммунистического движения. В начале 1937 года в газете «Возрождение» публикуется стихотворение «Богословский институт» с открытой критикой как самого Института, так и Г.П. Федотова лично, поддержавшего «барселонскую чекистку». Митр. Евлогий, возглавлявший в то время

²⁶ Федотов Г.П. Судьбы империй // Новый журнал. 1947. № 16. С. 169.

²⁷ Степун Ф.А. Г.П. Федотов // Большевик и христианская экзистенция. Избранные сочинения / Федор Августович Степун / Сост. В.К. Кантор. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 274.

Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев как участники эмигрантских дискуссий о религиозном в самосознании интеллигенции

Институт и православную церковь в Европе и не поддержавший раннюю антисемитскую критику Г.П. Федотова, после публикации этого стихотворения отреагировал письмом. Вскоре Г.П. Федотов ответил ему. Как отмечает С.С. Бычков, «неизвестно, убедило ли это письмо митрополита Евлогия, но по-прежнему Федотов продолжил публиковать свои статьи в газете Керенского “Новая Россия”»²⁸. Можно предположить, что на тот момент деятельность Г.П. Федотова, если и наносила репутационный ущерб Богословскому институту, то он был незначительным.

В начале 1939 года в «Новой России» выходит очередная публицистическая статья Г.П. Федотова «Торопитесь!», в которой он по следам речи генерала Деникина в Париже (о свержении советской власти) указывает на отсутствие в СССР, собственно, советской власти – вместо нее есть только единоличная диктатура Сталина. Также он отмечает отсутствие коммунизма и коммунистической партии. Правомонархические круги вновь возмутились. Вследствие чего в той же газете «Возрождение» появилась статья главного редактора Ю.Ф. Семенова, в которой Г.П. Федотов обвиняется в приписывании Сталину «сверх-христианской жертвенности» во имя России. На этот раз митр. Евлогий реагирует резко – спустя неделю после выхода статьи отправляет Г.П. Федотову уведомление о порицании и ставит его перед выбором: или прекращение публицистической деятельности, или работа в институте. Содержание ответа Г.П. Федотова митр. Евлогию можно узнать только из его письма жене Е.Н. Федотовой: «доказываю, почему я не могу подчиниться, что значит революционная интеллигенция для Церкви и в чем я вижу свое церковное служение»²⁹. Риторика ответа митр. Евлогия на это письмо оказывается настолько смягченной, что позволяет А.А. Войтенко сделать вывод об исчерпанности этого уровня конфликта для участников³⁰. Более глубокий уровень конфликта включал в себя больше участников, в частности, Н.А. Бердяева, выступившего на стороне Г.П. Федотова. Среди причин, помимо психологических и

²⁸ Бычков С.С. Г.П. Федотов (биографический очерк) // Собрание сочинений в 12 т. Т. 1: «Абеляр» и статьи 1911-1925 гг. / Сост., вступ. ст., примеч. С.С. Бычков, примеч. М.Г. Галахтин. М.: Мартис, 1996. С. 34.

²⁹ Бычков, С.С. Конфликт в Свято-Сергиевском Богословском институте (1939 г.) // Собр. соч.: в 12 т. Т. 12: Письма Г. П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы / М.: Тэтис Паблишн, 2008. С. 289.

³⁰ Войтенко А.А. «Напишу, что я отныне не уважаю своих коллег». Действующие лица конфликта Г.П. Федотова с Правлением Богословского института в Париже (1939) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. №4. С. 61.

Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев как участники эмигрантских дискуссий о религиозном в самосознании интеллигенции

этических, которые характерны для такого типа конфликта, А.А. Войтенко, ссылаясь на уже упомянутую статью Г.П. Федотова «В защиту этики» (опубликована в бердяевском «Пути»), выделяет также более глубокие корни конфликта, связанные с различными представлениями о том, каков идеал христианской жизни, деятельность или созерцание³¹. Начинается эта статья Г.П. Федотова с рассуждения о повороте русской интеллигенции от этики к эстетике в начале XX века, в котором она и исчезла как духовное образование. Ее «грех», как выражается Г.П. Федотов, «в том, что она поместила весь свой нравственный капитал в политику, поставила все на карту, в азартной игре и проиграла»³², морализм обернулся имморализмом – именно в этом он видит исток упадка православного модернизма.

Сам Н.А. Бердяев в «Самопознании» тоже не раз заводит речь о своем мучительном чувстве от зарубежного православия³³. По его мнению, зарубежная церковь исказила христианство, приспособив его к человеческим интересам. Во многом в его видении за это был ответственен митр. Евлогий, поэтому Н.А. Бердяев выступал против этого священнослужителя. Настолько непримиримая позиция привела Н.А. Бердяева к череде конфликтов, самым острым из которых, по его собственному признанию, было противостояние между Богословским институтом и Г.П. Федотовым. Сам же Бердяев занял сторону Федотова. В статье «Существует ли в православии свобода мысли и совести?» Н.А. Бердяев особенно останавливается на одном пункте обвинения Г.П. Федотова в том, что тот является интеллигентом. Бердяев признает, что и сам критиковал интеллигенцию за ее недостатки, «когда это еще не означало бить лежачего», но указывает, что после революции реакция обскурантизма превратила понятие «интеллигенция» в ругательство, за которым порой отсутствовало понимание его смысла и истории. Отличие интеллигенции от органических сословий (дворянство, духовенство, мещанство, купечество и др.), которым она противопоставляется, по мнению Н.А. Бердяева, заключается в том, что интеллигенция «по-своему искала правды и справедливости, боролась за достоинство человека, за свободу народа,

³¹ Войтенко А.А. «Может быть, этот скандал на целые месяцы». Этапы и итоги конфликта Г.П. Федотова с Правлением Богословского института в Париже в 1939 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 6. С. 96.

³² Федотов Г.П. В защиту этики // Путь. 1939. № 60. С. 5.

³³ Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). Париж: YMCA-Press, 1949.

Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев как участники эмигрантских дискуссий о религиозном в самосознании интеллигенции

не охраняла никаких классовых интересов и возвышалась над классовой ограниченностью»³⁴. Более того, сам Н.А. Бердяев говорит, что больше гордится своей принадлежностью к интеллигенции, чем дворянским происхождением. Возвращаясь к ситуации с Г.П. Федотовым, которого обвинили в том, что он «не национально мыслящий», Н.А. Бердяев выдвигает тезис об истинно православном, религиозном сознании русской интеллигенции: «[к]огда говорят, что православный должен быть “национально мыслящим” и не должен быть “интеллигентом”, то всегда хотят охранить то старое язычество, которое вошло в православие, с которым оно срослось и от которого не хочет очиститься»³⁵.

В своем дневнике Лидия Юдифовна, жена Бердяева, сравнивает выход статьи со «взрывом бомбы» – В.В. Зеньковский оскорбился этим текстом и ушел из «Пути», о чем сообщил в письме. На это Лидия Юдифовна реагирует следующим образом: «считаю историю с Федотовым – провиденциальной. Давно пора покончить счеты с людьми, прикрывающимися Церковью для целей, ничего общего с христианством не имеющими, из религии делающими рассадник мракобесия»³⁶. Спустя несколько дней после публикации статьи в ее дневнике появляется запись: «Очень хорошее письмо Ни от Федотова из Лондона: он благодарит Ни за его выступление в его защиту, пишет, что миссия Ни – это бороться за свободу, не считаясь ни с какими противодействиями. Вы одиноки в этой борьбе, но – это Ваше призвание»³⁷. Н.А. Бердяев не остается одиноким в борьбе за свободу – именно этой проблеме посвящены основные статьи «американского» периода Г.П. Федотова, одной из которых является уже упомянутая «Судьба империй». После Второй Мировой войны интеллигенция, находящаяся за границей, оказывается единственной надеждой России на обретение свободы, потому что только она сумела сохранить в себе исконно русское православие.

³⁴ Бердяев Н.А. Существует ли в православии свобода мысли и совести? // Путь. 1939. № 59. С. 49.

³⁵ Там же.

³⁶ Бронникова Е.В. Дни напряженной тревоги (Из дневника Л. Ю. Бердяевой. 1939-1945) // Встречи с прошлым: Выпуск 8. М.: РГАЛИ, Русская книга, 1996. С. 336.

³⁷ Там же.

Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев как участники эмигрантских дискуссий о религиозном в самосознании интеллигенции

Библиография

Бердяев Н.А. Существует ли в православии свобода мысли и совести? // *Путь.* 1939. № 59. С. 46-54.

Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). Париж: YMCA-Press, 1949.

Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-Press, 1971.

Бронникова Е.В. Дни напряженной тревоги (Из дневника Л. Ю. Бердяевой. 1939-1945) // *Встречи с прошлым: Выпуск 8.* М.: РГАЛИ, Русская книга, 1996. С. 322-366.

Бычков С.С. Г.П. Федотов (биографический очерк) // *Собрание сочинений в 12 т. Т. 1: «Абеляр» и статьи 1911-1925 гг. / Сост., вступ. ст., примеч. С.С. Бычков, примеч. М.Г. Галахтин.* М.: Мартис, 1996. С. 5-50.

Бычков С.С. Конфликт в Свято-Сергиевском Богословском институте (1939 г.) // *Собр. соч.: в 12 т. Т. 12: Письма Г. П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы / М.: Тэтис Паблишн,* 2008. С. 262–378.

Войтенко А.А. «Напишу, что я отныне не уважаю своих коллег». Действующие лица конфликта Г.П. Федотова с Правлением Богословского института в Париже (1939) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения.* 2017. Т. 22, №4. С. 56-65.

Войтенко А.А. «Может быть, этот скандал на целые месяцы». Этапы и итоги конфликта Г.П. Федотова с Правлением Богословского института в Париже в 1939 году // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения.* 2018. Т. 23, № 6. С. 94-106.

Степун Ф.А. Г.П. Федотов /// *Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения / Федор Августович Степун / Сост. В.К. Кантор.* М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 273-291.

Федотов Г.П. В защиту этики // *Путь.* 1939. № 60. С. 4-17.

Федотов Г.П. Судьбы империй // *Новый журнал.* 1947. №16. С. 149-169.

Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев как участники эмигрантских дискуссий о религиозном в самосознании интеллигенции

Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Собрание сочинений в 12 т. Т. 4: Статьи 30-х годов из журналов ВРСХД, «Современные записки», «Числа», «Версты», «Новый град» / Примеч. С.С. Бычков. М.: Sam & Sam, 2012. С. 23-63.

Г.П. Федотов и Н.А. Бердяев как участники эмигрантских дискуссий о религиозном в самосознании интеллигенции

G.P. Fedotov and N.A. Berdyaev as participants in emigrant discussions about the religious in the self-consciousness of the intelligentsia

Alina Zhukova (Intern researcher at the International Laboratory for the Study of Russian-European Intellectual Dialogue. Master's Program "Philosophical Anthropology")

Abstract

This article deals with the views of Russian religious philosophers (G.P. Fedotov and N.A. Berdyaev) on the problem of the religious in the self-consciousness of the intelligentsia. Before being expelled from Russia in 1922, N.A. Berdyaev published a number of articles on the intelligentsia, including the article "Philosophical Truth and Intelligent Truth" in the compilation "Vekhi" and another compilation "The Spiritual Crisis of the Intelligentsia". At the same time, G.P. Fedotov was first published in France. He wrote an article "The Tragedy of the Intelligentsia", which made him a famous publicist in emigre circles. Being in France he got acquainted with N.A. Berdyaev during meetings in his house in Clamart, where the problems of modern Orthodoxy were discussed. The purpose of this article is to place "The Tragedy of the Intelligentsia" in the context of these emigrant discussions and of the relationship between G.P. Fedotov and N.A. Berdyaev. Special attention is paid to the problem of the religious in the self-consciousness of the intelligentsia in the discussion around the conflict G.P. Fedotov (on whose side N.A. Berdyaev spoke) with the Board of St. Sergius Theological Institute in Paris.

Keywords: Fedotov, Berdyaev, Russian intelligentsia, religious and philosophical revival, Orthodox modernism, religious self-consciousness, St. Sergius Institute

Рекомендации по библиографическому оформлению статей

Пример оформления шапки статьи

Социальный проект А. Сен-Симона

Алексей Сорокин (Образовательная программа «Философия и история религии»)

Аннотация

100 слов

Ключевые слова: 10 слов

Перевод на английский – после текста статья:

Название....

Автор....

Аннотация....

Ключевые слова....

Библиография в конце статьи

Рекомендации по библиографическому оформлению сносок и списка литературы

1. Оформление сноски

- Сноска ставится перед знаками препинания.

Пример: Главным источником, как писал драматург, был Аммиан Марцеллин¹⁸⁶.

2. После текста сноски ставится точка.

3. После номера страницы ставится точка.

4. Описание книги одного или нескольких авторов

Автор (ФИО). Заглавие книги. Город: Издательство, год издания.

Винокур Г.О. Введение в изучение филологических наук. М.: Изд-во «Лабиринт», 2000.

Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Соавторы перечисляются через запятую:

Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности. М.: Прогресс Универс, 1996.

- Между фамилией и инициалами – пробел(ы); ФИО автора *курсивом*
- Место издания указывается сокращенно, после сокращения ставится точка

М. (Москва)

СПб. (Санкт-Петербург)

Л. (Ленинград)

Другие города полностью

- При двойном (тройном) месте издания – через «;»

М.; Л.

Toronto; Amsterdam; New York

- Если дается название издательства, то после места издания ставится двоеточие; после названия издательства ставится запятая (**М.: Искусство, хххх.**) Если есть слово «Изд-во», то название – в кавычках, если нет, то без:

М.: Искусство, 1999.

М.: Изд-во «Искусство», 1999.

- Если названия не дается, то после места издания ставится запятая (**М., хххх.**)
- После указания года ставится точка.
- Указание конкретной страницы (с пробелом): **С. 000** или **С. 000-000.**

5. Для иноязычных книг:

- Фамилия, инициалы (как и для «кириллических» авторов)

Terras V. Reding Dostoevsky. Madison: University of Wisconsin Press, 1998.

Montaigne M. de. Essais. Paris, 1907.

- Места (города) издания – полностью:

Toronto; Amsterdam; New York

- основные сокращения

Том (Т.) = Vol. (Volume) (англ.); T. (tom(e)) (англ., фр.); Bd (Band) (нем.)

Часть (Ч.) = Part (англ.); Partie (фр.); Teil (нем.)

Номер (№) – в русской библиографич. традиции записывается так же, но в англ. традиции No. 4

Страница (С.) = P. (page) (англ., фр.); S. (Seite)

6. Область заглавий и сведений об ответственности (кто подготовил, составил):

- Дается сразу после заглавия **через косую черту (/),** без другого знака препинания
- После косой черты с большой буквы
- Разные сведения даются через точку с запятой
- При перечислении **людей, готовивших издание,** после косой черты (/), **сначала** даются их инициалы, потом фамилия!
- Сокращения:

сост. – составитель

вступ. ст. – вступительная статья

предисл. – предисловие

подгот. текста – подготовка текста

ред. – редактор / под ред. – под редакцией

коммент. – комментарий

примеч. – примечания

пер. – перевод

7. Описание многотомников

- В общей части сводного библиографического описания многотомного издания приводят библиографические сведения, общие для всех или большинства томов, в спецификации – частные, относящиеся к отдельным томам.
- Нужно указать, сколько томов в издании. После заглавия двоеточие и с большой буквы (В 20 т.)

Зоценко М.М. Собрание сочинений: В 3 т. / Сост., подгот. текста, примеч. Ю.В. Томашевского. Л.: Художественная литература, 1986.

Каверин В. А. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Художественная литература, 1963 – 1966.

- Если ссылка на один из томов, то сначала описывается издание целиком, а потом конкретный том.
- Выходные данные в этом случае даются для конкретного тома.

Ильф И.А., Петров Е.П. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. М.: Гослитиздат, 1961. С. 125-266.

8. Описание отдельного раздела из книги (статьи из сборника)

Автор. Название раздела (статьи) // Автор книги (сборника). Название книги (сборника).

Город: Издательство, год. Номера страниц, на которых помещен раздел (статья).

Гегель Г.В.Ф. Введение // Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 56-127.

9. Описание статьи из журнала

Автор. Название работы // Название журнала. Город: Издательство (если есть), год выпуска. Номер. Страницы, на которых размещена статья.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134-148.

10. Описание электронного ресурса

- Нужно указать название интернет-ресурса и дату публикации, а после этого – гиперссылку в скобках
- Если опубликованный текст относится к интервью или к другим жанрам, кроме статьи (например, если это стихотворение), характер материала лучше пояснить в квадратных скобках.

Глухов А.А. Справедливость в классической политической философии [семинар] // YouTube. 23 октября (<https://www.youtube.com/watch?v=nQoH9pTKSuM>). Дата обращения: 25.10.2018.

Дополнительные уточнения

1. Если используются кавычки:

- для русскоязычных работ «», внутренние кавычки “”

- для иностранных изданий “”, внутренние кавычки "

2. Тире и дефис

2.1. Форма тире – «—»

2.2. Дефис ставится между цифрами, между частями слов: «-»

Иванов-Крамской

1998-1999

Научно-технический

Историко-философский

3. Фамилия и инициалы автора источника курсивом, Инициалы слитно

Иванов И.И.

4. Буква «ё» не используется, за исключением фамилий